

18+

София Кульбицкая

Терцогство Венниратское

Трилогия

София Кульбицкая

Герцогство

Венниратское. Трилогия

«Издательские решения»

Кульбицкая С.

Герцогство Венниратское. Трилогия / С. Кульбицкая —
«Издательские решения»,

«...Пиорок в испуге захлопнул книгу, но было поздно. То единственное,
о чём он не мог не думать, уже стояло перед ним в полный рост, ухмыляясь
и глумливо гыгыкая. И поделаться с этим ничего было нельзя...»

Содержание

ТАЙНА ПОТЕРЯННОГО БРАСЛЕТА	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ПРОЛОГ	6
1	6
2	6
3	8
4	9
5	11
6	13
7	15
8	17
9	20
10	22
11	23
12	24
13	26
14	28
15	30
16	33
17	34
18	36
19	38
20	40
21	41
22	42
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Рассказ матушки Фересии	44
1	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Герцогство Венниратское Трилогия

София Кульбицкая

© София Кульбицкая, 2026

ISBN 978-5-0071-2046-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТАЙНА ПОТЕРЯННОГО БРАСЛЕТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Страшный мороз сковал землю во всём Венниратском герцогстве. Всё видимое сквозь бойницы окон сияло нестерпимо ледяным блеском.

— Я уйду, — сказал Исварк. Его прищуренные глаза посверкивали на меня двумя льдинками.

— Но как же так, Исварк?.. Ты же говорил, мы обвенчаемся на Востеплевшие Небеса!.. Он холодно усмехнулся:

— Моё сердце давно заледенело. Я не буду с тобой. Прости.

— Нет, прошу тебя! Останься! Не покидай меня! — закричала я, припадая к его ногам. Каменный пол коридора обжёг меня ледяным холодом.

Мой возлюбленный уходил не оборачиваясь, не замечая даже, что я всё ещё ползу следом, вцепившись в край его плаща.

— Исварк!.. — Я рванулась за ним в последнем усилии, но тут же снова закричала от страха и боли. Как будто в мою плоть вонзились тысячи мельчайших лезвий. Так заледенели на морозе искрошенные веками ступени винтовой лестницы обветшавшего замка.

1

В те ясные, солнечные дни моя любовная тоска становилась всё более невыносимой. Холодными ночами я сжимала в объятиях подушку, страстно целовала её, кусала, обливала слезами.

И впрямь, в ту пору всё напоминало мне об Исварке. Даже погода. На третий день после его отъезда я заставила себя выползти во внутренний дворик — и, едва взглянув на небо сквозь подёрнутые инеем спутанные ветви тополей, вскрикнула и потеряла сознание. Слишком острую боль причинили мне эти краски, так напомнившие мне ярко-синие глаза, чёрные волосы и чуть тронутую сединою бороду моего возлюбленного.

С тех пор я не отваживалась выходить — не только из башни, но даже из собственной спальни. Почти все время я проводила в постели, закутавшись в одеяла, чтобы хоть как-то спастись от пронизывающего душу и тело холода — и пыталась хоть на время забыться блаженным сном. А если повезёт, то и увидеть там любимого, ощутить тепло его рук. Но даже во сне ощущение непреходящего озноба не оставляло меня; и если даже мне и впрямь снился Исварк, то лишь для того, чтобы ещё и ещё раз пнуть меня, как надоевшую собачонку.

Если я всё же изредка позволяла своим людям причёсывать меня, умывать и кормить, — то лишь потому, что не могла окончательно вытравить из сердца надежду. Опуститься значило бы полностью признать своё поражение — а я всё ещё не хотела в это верить. Ведь он в любое мгновение мог вернуться.

2

В один из таких дней я вдруг услышала внизу глухой, но очень настойчивый стук.

— Исварк?! — я вскочила и бросилась к дверям, простоволосая, оскальзываясь босыми пятками на каменных ступенях. — Исварк?!..

Уже готовый вырваться крик застрял у меня в горле. Незванный гость с деланно-равнодушным видом прижимался худым плечом к косяку, стараясь ехидно ухмыляться — но даже в этом ехидстве сквозило что-то просительное.

— Сир Пиорок... — разочарованно прошептала я, впуская гостя в залу.

Вежливость требовала предложить гостю хотя бы кусок хлеба с вином. Пиорок вошёл в гостиную твёрдым шагом, но его испуганный, бегающий взгляд выдавал неуверенность.

— Нет-нет, я не голоден, — слишком поспешно бросил он подошедшему слуге. Я хорошо понимала, что творится в его душе: собственное несчастье сделало меня чуткой и к чужим несчастьям.

Последний оставшихся в живых отпрыск некогда великолепного, а ныне — обнищавшего и грозившего пресечься рода, он вот уже много лет отирался по чужим гостиним в отчаянной надежде хоть как-то поправить свои дела. Над ним открыто смеялись на балах и пирах. Но гордость доблестных предков всё ещё жила в нём; она-то и заставляла его нервно вскидываться и фыркать, когда ему предлагали хоть и скудное угощение. Впрочем, глаза всё равно выдавали печальную истину, а именно: сиру Пиороку частенько случается недоедать.

Понимая это, я сделала всё, чтобы пощадить его самолюбие и вместе с тем не оставить голодным. Пришлось пригласить его к обеду: от этого светский этикет уж никак не позволял ему отказаться.

С другой стороны, я вдруг с удивлением поймала себя на том, что его присутствие не столь тягостно мне, сколько приятно. Живой собеседник, даже такой, как сир Пиорок, был всё-таки лучше пустых стен — и хоть немного отвлекал меня от сосущей любовной тоски.

Я оказалась права. Пиорок был пусть и не слишком умным, но забавным собеседником: к концу обеда я почувствовала, что мне стало чуть-чуть легче. Я даже начинала подумывать, не выйти ли за него замуж. То, что такое предложение поступит, я не сомневалась: мой сотрапезник уже осчастливил им большую часть окрестных дам, и я была явно на очереди. Конечно, я понимала, что мои прелести его ни в коей мере не интересуют, а лишь моё состояние — пусть и невеликое, но всё-таки побольше, чем у самого Пиорока, вечно сидевшего на мели.

Сейчас, когда сердце моё истекало кровью, мне было всё равно: я вышла бы за самого Князя Тьмы, лишь бы всё забыть. А сир Пиорок к тому же был весьма недурён собою. Вот почему я велела принести ещё вина — и изо всех сил старалась смеяться его шуткам, лишь бы он продолжал беседу в нужном русле.

Увы, утолив первый голод и опрокинув в себя добрый кубок венниратского, Пиорок, казалось, потерял ко мне интерес. Его шутки стали вялыми и натужными, а глаза подернулись пеленой.

Он явно нуждался в отдыхе. Я не стала мучить его и велела слугам приготовить гостевые покои. Пока растапливался камин, мы столь же упрямо длили нескончаемую светскую беседу:

— Нет, и не спорьте, любезная Софийя, мы, рыцари, в этой жизни страдаем гораздо сильнее... (Ваше здоровье!)

— Отчего же вы страдаете, дорогой сир Пиорок?..

— Ну а как же, милая Софийя? На нашу долю выпали ратные труды, смерть и раны в сражениях, а и в мирное время приходится вести неравный бой... С вами, дамами...

— Но зачем же с нами воевать, любезный сосед?..

— А за любовь? Всяк знает, как трудно добиться её от ваших каменных сердец. Вот, например... Исварк...

— Что «Исварк»? — сердце моё колотилось, чуть не выпрыгивая из груди. Пиорок противно захихикал:

— А вы разве не слышали... самую свежую сплетню? Говорят, наш великолепный Алесар Исварк вот уже целый месяц безуспешно добивается... благосклонности... некоей... высоко-родной дамы...

— Какой дамы? — я была готова броситься на него, растерзать. Пиорок погрозил мне непослушным пальцем, явно намереваясь ещё что-то сообщить... но тут глаза его закатились и он без сил рухнул под стол. Привычные ко всему слуги без лишних слов подхватили обмякшее тело и потащили в предназначенную ему спальню.

Но я и сама была почти без сознания. Внутри у меня всё колотилось, ноги тряслись, по спине стекали холодные струйки. «Дама, дама, — стучало в голове, — я должна выяснить, кто она». Прежде чем окончательно лишиться чувств, я успела крикнуть своим людям, чтоб ни под каким предлогом не отпирали ворот до завтрашнего утра.

3

Я проснулась посреди ночи от страшных криков и шума: это мой случайный пленник пытался штурмовать запертые ворота на своём тощем, трясушемся от старости Ларде. Улыбнувшись, я перевернулась на другой бок и накрыла голову одеялом: моя стража знала своё дело хорошо.

Наутро за завтраком хмурый, страдающий с похмелья Пиорок оказался куда более сговорчив: я видела, что он искренне желает мне помочь и рассказать всё, что знает. Одна беда: он не знал ничего. Имя новой пассии моего возлюбленного так и осталось тайной; он добавил только, что эта дама состоит то ли в дальнем родстве, то ли в близкой дружбе с великим герцогом, в связи с чем он, в общем-то, об этом и услышал. — За что купил, за то и продаю, — сокрушенно развёл он руками.

— Но откуда вы притащили эту... сплетню?..

— Мне сказала Олеана Амейли, они ведь соседи. Спросите лучше у неё...

— Но ведь они с Исварком — страшные враги! — вырвалось у меня. Пиорок посмотрел на меня с жалостью:

— Враги всегда осведомлены гораздо лучше друзей, они подчас знают о тебе такое, чего ты сам о себе не знаешь...

Он был прав. Подумав, я решила последовать его совету. Живая, хитрая Олеана и впрямь могла что-то знать. К тому же мы с ней были добрыми приятельницами, я была уверена, что она будет только рада удовлетворить моё любопытство.

С Исварком её связывала, а лучше сказать, разделяла давняя тяжба за несколько десятин земли. Добрая дюжина опытных крючкотворов вот уже много лет никак не могла решить, где именно пролегает граница между угодьями. Иные договорились бы полюбовно, тем более что и спорный участок представлял собой, по сути, болото; но не эти двое, у которых, при всей их непохожести, всё же была одна общая черта: тупое упрямство.

Я нашла Олеану в полях, которые она объезжала на маленькой лошадке, проверяя, хорошо ли устланы торфом озими. Увидев меня, она ещё издали радостно заулыбалась; я подъехала к ней, и мы пошли рядом, пустив лошадей неспешным шагом.

— Как подвигается тяжба? — спросила я как бы между делом. Олеана вдруг переменилась, её лицо, только что улыбающееся, стало жёстким и злым:

— Этот мерзкий Исварк, ну когда ж его чума-то заберёт?! Хотя нет! Чую, он и с того света меня достанет!

— Чем он ещё тебе насолил? — спросила я, стараясь не выдать волнения. Глаза Олеаны сверкнули злыми огоньками:

— Я была на волосок от победы! Все мои судьи были давно и надёжно подкуплены! Но тут этот мерзавец вламывается ко мне без приглашения (ему плевать, что кругом чума),

притаскивает за шкурку какого-то вшивого архитектора и добрых два часа трясет передо мной своими чертежами!..

Я чуть было не рассмеялась — эта картина представилась мне так ясно, будто я воочию увидела своего возлюбленного в гневе. Но сдержала себя и только осторожно переспросила:

— Какими чертежами?..

— Увеселительного парка! — завизжала Олеана. — У него там уже готов проект парка, который он намерен разбить на моих землях! Мелиоратор вшивый! И для чего, для чего?! — Олеана неожиданно всхлипнула. — Чтобы развлекать свою новую даму, мрак её поглотит!!!

Я вцепилась в поводья, больше всего на свете боясь именно сейчас потерять сознание:

— Но кто она, эта загадочная дама?

— Он не выдаёт имени! — крикнула Олеана. — Сказал только, что она настолько высокородна и богата, что для её увеселений нужно никак не меньше, чем целый парк! И что ему плевать на судей, он выставит по периметру своих вилланов с кольями, чтоб ни один пристав не смог туда пробраться! И он это сделает, я знаю! А я ведь просто женщина, у меня никогда не хватало храбрости, чтобы вести междоусобные войны...

Олеана снова всхлипнула, но я уже не слушала её. Сейчас для меня главное было — не разрыдаться самой. Не могу передать, как велико было моё разочарование. Олеане было наплевать на все, кроме её болот. Единственным надёжным источником сведений об Исварке оказался сам Исварк. Круг замкнулся.

4

Отчаянные попытки забыться на зимних балах и дружеских попойках с мелкой окрестной знатью не принесли мне облегчения. Все старые друзья были мне противны. К концу недели я чувствовала себя так, будто меня туда-сюда переехал конный отряд — но гораздо хуже, чем тело, болела душа, по-прежнему невыносимо болела.

Я уже не знала, что мучит меня сильнее — ревность или неизвестность. Желание знать перерастало у меня в манию: временами мне казалось, что, стоит мне только услышать имя моей соперницы, наваждение неразделённой страсти отпустит меня. Но как узнать его?..

Кажется, именно тогда из мрачных глубин моего сознания всплыли слова: «колдунья Лаготт».

Откуда я узнала о ней? Случайно ли услышала болтовню слуг, или же к её услугам прибегал кто-то из моих приятельниц?.. Так или иначе, стоило мне однажды позволить себе эту мысль, я уже не могла от неё отделаться. Да и в моём безвыходном положении это был если не выход, то хотя бы его иллюзия — а для меня и это было уже немало.

До сей поры я ещё ни разу не обращалась к колдунам — и теперь не совсем представляла себе, как взяться за дело. Я даже не знала толком, где эта колдунья живёт. Слышала только, что где-то в деревне, да не в какой-нибудь, а в моей — что весьма облегчало задачу. А если расспросить слуг, кто-нибудь из них наверняка сможет дать и более точный адрес.

Смутное чувство, однако, подсказывало мне, что впутывать в это дело своих домашних, а уж тем более друзей ни в коем случае не стоит. Искать надо было самой, в одиночку, где-то там, в дыму, темноте, нищете и вони, куда я ещё ни разу в своей жизни не забредала — и где не знали в лицо госпожу.

Ещё вчера такая мысль показалась бы мне опасной и даже глупой, но теперь меня это только взбодрило.

Для начала, конечно, следовало одеться попроще. Подумав, я решила, что мне вполне подойдёт костюм крестьянки с последнего бала-маскарада. Я понимала, что выгляжу в нём нелепо и что мелкие детали, о которых я даже не догадываюсь, выдают во мне знатную даму — но это было не так уж важно. Главное — обозначить своим видом, что я не горда и безопасна.

Какая удача, что великий герцог устраивал свои традиционные балы именно зимой!.. К платью прилагалась и верхняя одежда — греться в холодном замке, пока дикий угар пляски да кубок доброго грога не заставят тебя сбросить лишнее. Выглядело оно, правда, страшновато — грязный тулуп мехом наружу, как раз приставший дикому и грубому крестьянину (по мнению моего портного, выросшего в замке и в глаза не видевшего крестьян). Зато в нём было тепло, а это главное. Ведь идти предстояло пешком.

В день, избранный мною для прогулки, я вышла спозаранку, надеясь, что никому из знакомых не придет в голову навестить меня именно сегодня. Спуск в низину прошел благополучно, если не считать того, что раза два я преобольно шлёпнулась на ледяной глади, ссадив руку и колено. Ну ничего, решила я, нет худа без добра — теперь-то я точно не похожа на благородную госпожу.

Чем ближе была деревня, тем больше я открывала в себе нового. Ещё утром, например, я была уверена, что жизнь мне теперь не особо дорога — и, случись мне утратить её в этом рискованном предприятии, я буду только рада. Теперь же я вдруг ощутила, что меня бьёт крупная дрожь — и не столько от холода, сколько от страха.

Я вдруг поняла, что не готова к тому, что меня изнасилуют или замучат до смерти — не готова даже назло Исварку. Потом, из памяти ещё не изгладилась прошлогодняя вспышка чумы, выкосившая добрую треть Веннирата. Сейчас напасть вроде бы отступила, но лучше было побережся: то там, то здесь ещё вспыхивали её очаги. Мне вдруг пришло в голову, что крестьянские избы, наверняка полные народу, могут быть опасными рассадниками заразы.

Только понимание того, что это мой единственный шанс узнать то, что я хочу знать, заставило меня продолжить свой путь. К тому же я отошла уже слишком далеко от замка, и боялась, что просто не дойду обратно, если где-нибудь не согреюсь и не поем.

Так я и сделала — благо харчевня попалась мне очень скоро. Она была маленькая и очень грязная. Зато там можно было съесть вкусную яичницу и насквозь пропитаться дымом и запахами кухни. Что тоже было нелишне. Я наконец-то ощутила себя настоящей крестьянкой — и уже почти без страха двинулась дальше, на всякий случай оставив хозяевам о себе добрую память в виде золотого.

Деревня тоже оказалась совсем не такой страшной, как мне казалось издали. Здесь и вправду царили теснота, грубость и неприятные запахи, — но сами крестьяне, которых я понаслышке представляла какими-то зверьми, показались мне куда больше похожими на людей, чем иные мои знакомые. Меня они встречали вполне приветливо — наверное, принимали за странствующую актрису или вроде того. А уж для звонкой монеты их сердца и вовсе были открыты.

К счастью, даже при моей неопытности у меня хватило мозгов не набрасываться на них сразу с расспросами о колдунье. Я всё больше молчала, благодарила за приют и скромное угощение — да слушала в оба уха, что они говорят.

А говорили они многое. Очень скоро я с радостью убедилась, что колдунью Лаготт вспоминают часто и почти в каждом доме. Вспоминают недобрым словом: похоже, она успела изрядно навредить местным жителям. Я бы даже сказала, это была единственная тема, обсуждая которую, они становились похожи именно на тех грубых зверей, какими я их представляла.

В иные времена такая скверная репутация колдунии, может, и напугала бы меня. Но сейчас боль разбитого сердца заглушала всё, и мне было важно только одно — сможет ли эта знаменитая Лаготт показать мне в своём волшебном зеркале (ну или хотя бы в тазу с водой) образ моей соперницы?..

Если меня что теперь и смущало — это, скорее, мелочность колдуньиных пакостей. Лишить корову молока, отнять у парня мужскую силу, рассорить между собой любящих и верных супругов — всё это казалось мне смешно и несерьёзно, и я уже начала сомневаться, достойна ли эта колдунья той высокой миссии, которую я собиралась на неё возложить.

Я сомневалась в этом до тех пор, пока не увидела ту бесноватую.

В самом тёмном углу мрачной избы, где жила семья кузнеца и куда меня, усталую и замерзшую, пустили погреться, была устроена клетка; там на грязной соломе сидело, прижав острые колени к подбородку, странное, но всё же человеческое существо. Когда я зашла, оно что-то злобно забормотало и попыталось кинуть в меня заплесневелой коркой. Я в испуге отпрыгнула.

— Что это? — стараясь не вдыхать исходявшего от клетки зловония, спросила я у хозяев.
— Почему вы держите это в доме?

— Это моя дочь, — тихо ответил кузнец. Я ахнула и в ужасе закрыла рот ладонью:

— Как?..

— Да, госпожа, — вмешалась хозяйка. — Если б вы знали... если б видели, какой была наша девочка раньше... Лаготт испортила её.

— Как так испортила? Что она сделала?..

Но несчастные старики будто не слышали моих вопросов. Они знай себе покачивали головами да горестно стенали:

— Растили мы Ланку, растили... Ничего для неё не жалели... Выросла умница, красавица, какие парни за ней сватались!.. А работающая!.. Для того и испортила её Лаготт, что знала: первая красавица и работница на деревне дочка-то наша...

На этом месте старый, жилистый кузнец заплакал. Этого мои нервы уже не смогли вынести; я порывлась в карманах платья, швырнула на пол тяжёлый бархатный мешочек с золотым вензелем — и бросилась вон из дома, чтоб только не слышать их причитаний.

Немного придя в себя и отдышавшись, я сказала себе, что, пожалуй, моё путешествие на сегодня закончено. И пожалуй, оно прошло удачно. Именно такая мощная в злобе колдунья мне и нужна. Дальше бродить по деревне я не собиралась, тем более что и так уже знала, где искать эту Лаготт. Она жила особняком, на самом краю леса, чуть севернее Грязного Оврага.

5

Жилище Лаготт я узнала сразу, других в этом гиблом месте просто не было в радиусе мили. Обычный аккуратный бревенчатый сруб, ничего особенного. Он больше был похож на дом лесника, чем колдуньи, но я решила, что, наверное, так и надо. Я плохо разбираюсь в колдунах.

Войти, однако, оказалось не так-то просто. Не успела я ещё приблизиться к порогу, как послышалось угрожающее рычание — и на меня со всех сторон уставилась дюжина светящихся глаз.

Собаки не лаяли, не нападали, но явно держали себя в боевой готовности. Я уже подыскивала пути к бегству, как вдруг откуда-то раздался лихой посвист — и стая немедленно отступила. В окружающем сумраке вырисовались очертания невысокой женской фигурки с несомерно большой головой.

— Ты Лаготт? — властно спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Убери своих тварей.

— О, госпожа, это не мои собаки. Они бродячие, я просто кормлю их. Да вы не бойтесь, они не тронут, — и верно, собаки притихли и, поскуливая, жались к ногам колдуньи. Я решительно прошла мимо них к дому, толкнула дверь и вошла, Лаготт следом.

Жилье колдуньи оказалось совсем не таким, как я представляла. Здесь не было видно никаких атрибутов колдовства, да и вообще ничего необычного. Немного голо, но просто и прибрано — и скорее походит на комнату дамы. Колдунья засуетилась вокруг, протирая ветошью все свободные, и без того вполне чистые поверхности; это дало мне возможность как следует рассмотреть её.

Я ожидала увидеть старую каргу (так описывали её крестьяне). Но, к моему удивлению, коварная Лаготт оказалась очень живой, хорошо сложенной и даже миловидной женщиной; то, что я в темноте приняла за несоразмерно большую голову, оказалось всего-навсего пышной рыжей шевелюрой. Выглядела она никак не старше пятидесяти. Мне невольно вспомнились намеки жены кузнеца, что Лаготт продала душу Тёмным Силам за вечную молодость, — и по спине пробежал холодок.

Стараясь не поддаваться страху, я присела на услужливо подставленный мне табурет, тем более что и впрямь чувствовала усталость.

— Ты знаешь, кто я? — спросила я надменно.

— О, госпожа Софийя, как же вас не знать! Вы же наша дама! Здесь вас все так любят...

— Не льсти мне. И не лги. Может, ты скажешь и зачем я здесь?

Колдунья захихикала.

— Как и все, госпожа. Любовь. Угодно вам, чтобы я приготовила приворотное зелье?..

Тут она просчиталась. Не буду скрывать, в минуты острой тоски и мучений мне и самой, конечно, приходили в голову подобные мысли. Но я тут же гнала их от себя. Я знала схожие случаи, ну вот, скажем, пресловутый Пиорок именно так лишился любимой служанки. Дуреха снесла колдунье (уж не этой ли?..) все свои сбережения, чтоб навсегда приворожить своего муженька, горького пьяницу и гуляку. Гулять он после этого и впрямь перестал и делил теперь ложе только с женой, но в промежутках люто ненавидел её за эту любовную неволю и лупил смертным боем. В конце концов Пиорок был вынужден отослать её в птичник, поскольку держать в доме служанку с вечно битой мордой даже ему не представлялось возможным.

Мне вовсе не хотелось, чтобы Исварк любил меня такой любовью. Уж лучше вечно страдать от неразделенного желания (как это ни ужасно). Поэтому я поспешила сменить тему:

— Зачем ты сотворила такое с дочерью кузнеца?

Колдунья вылупила на меня невинные голубые глаза и замахала руками:

— О, госпожа, вам всё неправильно рассказали! Я её вообще не трогала! Это она всё время цепляла меня и проявляла неуважение, вот и поплатилась, — в глазах Лаготт мелькнула злобная радость, которую она не сумела скрыть. Это вернуло меня к цели моего визита:

— Послушай, — вкрадчиво сказала я, — ты можешь показать мне образ одного человека? Я не знаю его, но хочу узнать.

Глаза Лаготт загорелись злорадным любопытством:

— Вороватая служанка? Тайный поклонник? Соперница?

— Не твоё дело, — спокойно сказала я. Колдунья ничуть не обиделась:

— Конечно, госпожа, я владею этим искусством. Что вам более угодно? Пламя? Лёд? Песок?..

— Пламя, — сказала я, не задумываясь. Далёкая от магии, я откуда-то знала, что пламя как инструмент лучше всего годится для любовных дел. Лаготт удовлетворённо кивнула:

— О, я и не сомневалась, госпожа. — Она на миг исчезла за драпировками и вернулась, держа в руках большую восковую свечу на подставке. Эту свечу она установила передо мной на дощатом столе.

— Смотрите, госпожа, сейчас я зажгу её, и вы...

— Постой, — сказала я. — Сперва я хочу испытать твоё искусство. Покажи мне того, кто в моём сердце. Тогда я поверю тебе.

Колдунья хитро улыбнулась:

— Легко, госпожа.

Она зажгла свечу и велела мне неотрывно смотреть на её пламя. Весь другой свет она задула, неторопливо обойдя своё жилище, и теперь только одна-единственная свеча освещала внутреннее убранство дома, которое во мраке стало выглядеть зловеще. Я смотрела на огонек пламени, как мне было велено, не отрываясь — и уже начинала впадать в приятное забытие.

Внезапно колдунья дунула на пламя; оно погасло, и в наступившей тьме, там, где только что плясал огонек свечи, я увидела лицо Исварка — таким, каким не видела его никогда. Ржавый прошлогодний лист запутался в его бороде, он скалился, в глазах горела страсть. Я вскрикнула, и галлюцинация пропала. Колдунья ходила по дому с горшочком углей, зажигая лучины.

— Крестьяне мне не солгали, — сказала я, немного отдышавшись и придя в себя. — Ты и впрямь сильна.

Лаготт застыла передо мной в подобострастном поклоне.

— Хорошо. А теперь покажи мне её... ту, что я ищу.

— О, госпожа, — испугалась колдунья, — пламя уже утратило свою силу! Сегодня к нему обращаться больше нельзя!

Я тут же внутренне согласилась с ней.

— Ты права. Пламя тут и не подошло бы. Только лёд, лёд, много льда.

— Одну минуточку, госпожа, мне необходимо спуститься в подпол, — Лаготт скрылась за драпировками, несколько секунд было слышно её напряжённое дыхание, затем лязг железной крышки и тихое поскрипывание ступеней. Когда затихло и оно, я с удивлением спросила себя, почему она мне так доверяет. Ведь я могу сейчас просто захлопнуть крышку, и никто не скажет мне за это ничего, кроме спасибо.

Правда, тогда я и не узнаю того, что меня интересует. Я с надеждой подумала о том, что, возможно, через минуту-другую меня ждёт возжеленное избавление. Вот сейчас я увижу, на кого променял меня Исварк, и, скорее всего, после этого открытия в моей душе останется только одно чувство — презрение. К нему и к ней. К обоим.

Откуда-то снизу снова послышался скрип — это возвращалась колдунья. Радуетесь небось, что и на этот раз жива осталась, истерически-весело подумала я. Меж тем к скрипу присоединилось ещё и пыхтение — очевидно, деревенские жители не так уж и заблуждались насчёт возраста Лаготт и, при всей её молодавости, подъём давался ей нелегко.

Впрочем, и немудрено, ей ведь пришлось тащить с собой увесистую миску с колотым льдом. Прежде чем поставить её передо мной на стол, она немного подержала её над жаровней; попав в тепло, льдинки начали оплывать и красиво заискрились.

— Смотрите туда, госпожа, — прошептала колдунья.

Я не заставила себя упрашивать и уставилась в миску. Несколько минут я просто бездумно наслаждалась красотой тающего льда в отблесках неяркого света. Но понемногу мною начало овладевать беспокойство: увижу ли я в этой миске вообще хоть что-нибудь? Я уже хотела разгневаться и призвать нерадивую обманщицу к ответу, как вдруг за моей спиной раздался оглушительный хлопок — и в секундный момент испуга в игре тающего льда я увидела...

— Нет!!! — завопила я, швырнув миску оземь. — Нет!!! Ты лжёшь!!!

Льдинки с грохотом рассыпались по полу, брызнули, разлетаясь на тысячи мельчайших осколков. Лаготт стояла в темном углу, опустив голову; но мне было уже не до неё. Вместо её лица я сейчас видела то, другое, и с холодной, как лёд, ясностью понимала, что видение сообщило мне истину.

— О Небеса... — простонала я, закрывая глаза рукой, словно это могло помочь мне. Но образ не уходил, проникал под закрытые веки, светился во тьме. — Нет! Только не это! Шиана Татианская!..

6

После коротких заморозков на землю вновь навалилась тяжёлая, угрюмая хмарь. Дни ссыжились, как переживший себя осенний лист; впрочем, ни это, ни тревожные слухи о вспыхивающих то там, то здесь очагах чумы не мешали окрестной знати всю готовиться к традиционному балу-маскараду в замке великого герцога.

Я собиралась на этот бал с особым тщанием: он был последней моей надеждой. Я знала, что Исварк непременно будет там; что же до Шианы Татианской, то я не была в этом так уверена. Но, если она все же появится, это даст мне шанс окончательно убедиться в реальности видений, которые — у меня ещё оставалась робкая на это надежда — могли быть всего лишь чарами, наведёнными Лаготт.

Но если это правда, с ужасом думала я, то всё пропало. Татианская лардесса была именно той женщиной, которую я не хотела бы видеть рядом со своим возлюбленным ни за что на свете. Кажется, я надеялась, что любовь в моём сердце перерастёт в презрение?..

Ха, как бы не так! Теперь, с участием этой дамы, она грозила уничтожить меня полностью! И стать окончательно безнадежной...

Ибо я сама втайне восхищалась госпожой Шианой, которая по праву считалась самой экстравагантной и загадочной дамой Веннирата. Была ли она красива? Трудно сказать. Она могла быть уродлива, незаметна, просто мила или прекрасна — как лягут карты, как встанут звёзды. Была ли она добра? До смешного — но лишь к тем, кто удостоился вызвать её расположение. Была ли умна? О, безгранично!..

Род её покойного супруга был столь древним, что любой знатный барон почел бы за честь принять её в своём замке; и всё же далеко не все отваживались на это. Только сильные духом, которые смело шагали через светские условности — или, наоборот, очень глупые, которым было море по колено. Остальным была хорошо известна власть лардессы в одночасье вознести их или погубить — и мало у кого хватало азарта сыграть в эту игру.

Даже те, кто всё же рисковал, потом с особым вниманием и страхом осматривали стены своих покоев. Ибо все знали об одной из самых экстравагантных и озорных привычек дамы Шианы — оставлять на стенах и дверях свои дерзкие двустушия. Это могла быть хлесткая эпиграмма на того, кто имел несчастье ей не угодить, а мог быть и полный нежности мадригал. К несчастью для многих, лардесса Татианская славилась не только незаурядным поэтическим даром, но и опасной точностью формулировок.

Угадать, где и что именно появится на этот раз, было невозможно. Иной, бывало, много лет числил себя в её злейших врагах — и вдруг находил (случайно и не всегда у себя дома) бурный дифирамб в свой адрес, исполненный к тому же с удивительной тонкостью. Иногда адресат даже оказывался настолько этого достоин, что не позволял прочитанному в дальнейшем влиять на свою тактику в обращении с лардессой.

Бывало и наоборот. Все хорошо помнят историю одного самонадеянного рыцаря, которому хватило ума не только решить, что госпожа Шиана делает ему авансы, но и похвалиться этим в чужих гостиных. В итоге, после того, как кто-то из знатных гостей нашёл очень изящную характеристику этого рыцаря не где-нибудь, а в отхожем месте, ему ничего не осталось, как спешно покинуть общество и в тот же вечер тихо удавиться в подвале собственного замка.

Впрочем, нельзя сказать, что она никогда не делала мужчинам авансов. Бывало и такое, об этом знали все, поскольку она никогда и не думала этого скрывать. Даже наоборот — превелико любовалась своими чувствами и выставляла их напоказ. Но мало кто из тех, кого она сама избрала, мог устоять перед её очарованием.

Тайная молва гласит, что такое случилось лишь раз в её жизни. Чем же всё закончилось? Нет, она не стала мстить, как этого ждали все знающие её. Не заперлась она и в своём замке, плача и рыдая, как надеялись, злорадствуя, её враги. Каким-то образом ей удалось сделать то, что, увы, не смогла (и никогда не смогу!) сделать я: несостоявшийся любовник стал её лучшим другом и покровителем её шалостей. Кто же это был? О, от людской молвы, как вы уже не раз убеждались, ничего не скроешь. То был сам властитель Веннирата — великий герцог.

7

К назначенному дню мой маскарадный наряд был готов.

Мне хотелось в одно и то же время быть незаметной — и поведать миру о своих страданиях. Поэтому на сей раз мой костюм назывался «Раненая Душа» — простое глухое серое платье с рваным багровым пятном на сердце, глубокий капюшон и полностью скрывающая лицо античная маска горя.

Прибыв на бал, я поняла, что мой костюм удался даже больше, чем я рассчитывала. В этом году многие знатные семьи пострадали от чумы, так что общее настроение было упадническим. Черные, серые и коричневые цвета преобладали; глухие маски явно одерживали верх над легкомысленными полумасками прошлых сезонов. Последнее имело и более прикладное объяснение: бытовало поверье, что полностью закрытая маска, особенно пропитанная благовониями, лучше предохраняет от заразы.

В этой тёмной колышавшейся толпе, мучимой страхом и всё же пытающейся натужно веселиться, я сразу узнала её — не столько по экстравагантному бело-розовому костюму и смелой кружевной полумаске, сколько по гордой посадке головы, абсолютно исключавшей любой намёк на страх и уныние. Райская Птица, такой она и была; высокий плюмаж из разноцветных перьев задорно покачивался в танце.

Я следила за ней с надеждой и страхом; ревность и опустошающее сознание её абсолютной власти над моей судьбой превращали в моих глазах эту и без того необычную женщину в нечто демоническое. Я с завистью и восторгом смотрела, как она бездумно меняет партнёров — одного за другим, в танце так же легко, как и в жизни.

И тут моё сердце рухнуло куда-то вниз: в окружающей толпе я увидела Исварка.

Я узнала бы его где и в чём угодно, даже если бы он натянул себе на голову холщовый мешок; но сейчас он даже и не думал скрываться. Он был в костюме Чёрного Козла; на железном обруче между рогами сверкал огромный рубин. Он не озирался, не смотрел по сторонам, но двигался сквозь толпу уверенно и целенаправленно, как будто заведомо знал, что найдёт то, что ищет. И так оно и вышло.

На моих глазах эти двое безошибочно отыскивали друг друга в гомонящей массе и соединились в танце, как в любовной игре. Моментально они оказались будто бы наедине в этой огромной набитой потными телами зале. И я, глядя на них, поняла, что надежды больше нет — ибо даже в своих нелепых маскарадных костюмах они, оказавшись вместе, составили собою нечто цельное и гармонически прекрасное.

Я отпрянула назад: шаг, ещё шаг. Моё тело будто само ввинчивалось в толпу, стараясь спрятаться, скрыться, хоть я и понимала, что никто не собирается за мной гнаться. Меня тут же подхватил в танце один кавалер, затем другой. К счастью, я была неузнаваема. Это было ясно хотя бы по тому признаку, что Пиорок, ещё более похожий на себя в костюме Смерти, проплясал со мной несколько фигур, так и не успев угадать, спали мы с ним когда-нибудь или нет.

В иное время я всласть посмеялась бы над этим. Но сейчас даже комичное казалось мне важной, неотъемлемой частью жизни — и оттого страшно серьёзной. Впервые на своей памяти я танцевала, ведомая не чувственностью, а страхом: остановлюсь — встанет и моё сердце. Пока длилось это кружение, я была по крайней мере отвлечена — чем-то, почти не имевшим отношения к тем двоим.

Вот только ноги уже почти не держали меня. Может быть, поэтому в один прекрасный момент я не просто позволила очередному кавалеру вести, а повисла на нём всей своей тяжестью. К моему приятному удивлению, он не оттолкнул меня, не попятился в ужасе, а поддержал

и почти понёс по зале, — что заставило меня, наконец-то, прийти в себя и обратить внимание на то, с кем же я, собственно, танцую.

Мой партнёр щеголял в костюме Аптекаря; лицо его, как и моё, было надёжно скрыто под маской. Зато он был довольно плотного телосложения, и я начала перебирать в уме всех своих знакомых, которые подпадали под эту характеристику. Тщетно: по здравом размышлении, это мог быть кто угодно.

Но оставался ещё голос, интонации, и, пока я перебирала в голове весь известный мне набор принятых в обществе тем для беседы, он вдруг заговорил сам:

— Кажется, вы понемногу приходите в себя. Не могу передать, как я этому рад.

Голос был мягкий, с бархатными нотками, как будто очень знакомый; и всё же я не узнавала.

— О да, — ответила я. — И благодарить за это я могу только вас, Аптекарь.

Он негромко рассмеялся.

— Как называется этот костюм? Дайте-ка я угадаю. Раненая Любовь?

— Раненая Душа. Но ваш вариант даже точнее.

— О, все мы в своё время страдали от несчастной любви. Поверьте, это не навсегда, даже если сейчас вам кажется иначе.

Его вкрадчивый голос приятно обволакивал меня, и мне вдруг показалось, что это и впрямь не так уж страшно.

— Если бы я мог предложить вам утешение...

— Но вы же не знаете, кто я, — с изумлением услышала я в своем голосе невесть когда проснувшееся кокетство. — А вдруг я безобразна?

— Я и впрямь не уверен, что знаю, кто вы; зато более чем уверен, что вы далеко не безобразны, Раненая Душа.

Я хотела возразить, что я-то в этом не могу быть уверена касательно его самого — но вдруг поняла, что это совершенно неважно.

— Да, — шепнула я, склонив голову на его плечо, — мне и вправду нужно утешение.

Он взял мою руку и прижал к губам — вернее, к тому месту, где были бы его губы, если б их не скрывала маска. Очевидно, он попросту забыл о ней; но прикосновение жёстких искусственных губ внезапно обожгло меня такой необычностью чувственного ощущения, что, вместо того, чтобы рассмеяться, я испугалась.

Впрочем, пугаться было поздно. Он вёл меня всё дальше и дальше, прочь от веселящейся хмельной толпы и музыкантов, по мрачному лабиринту тёмных и пустынных коридоров герцогского замка. Кое-где они внезапно переставали быть пустынными. Осклизлые отпечатки на стенах, капельки крови и оторванные лоскуты, всхлипы и стоны, фоном идущие откуда-то издали — больше всего на свете я боялась, как бы в одном из этих потайных уголков случайно не натолкнуться на тех двоих. Но моего спутника, видимо, вело то же наитие, что помогло ему так остро почувствовать меня; много раз мы проходили сквозь обилие признаков чужеродной жизни, но лицом к лицу так ни с кем и не встретились.

Наконец, он толкнул одну из дверей, и я поняла: мы пришли. То была крохотная комната неизвестного назначения, вся устланная коврами и гобеленами, но почти без мебели — только вдоль стены под крохотным овальным окном стояло длинное жёсткое ложе. И вновь Аптекарь повёл меня в танце, всё так же нежно, осторожно и вкрадчиво, но теперь нашей общей целью была кровать, на ней-то мы в результате и оказались.

Он тут же попытался стащить с меня платье, но я жёстко остановила его на полпути. На это я пойти не могла, хорошо помня страшную историю, которая случилась с одной моей подругой. Однажды вот так, веселясь на бале-маскараде, она позволила излишне любопытному кавалеру приподнять край её платья. И он увидел и запомнил родинку на внутренней стороне её бедра, в уютной ложбинке. Год спустя она вышла замуж за одного владетельного барона, а

ещё спустя полгода муж удавил её поясным шнуром. А всему виной была та родинка, ну, и ещё болтливый кавалер.

К счастью, Аптекарь не настаивал. Не торопился он и сам снимать с себя маску и прочие детали своего туалета: как видно, его мучили схожие опасения. Впрочем, тут же оказалось, что досадные препятствия в виде одежды только вдвое... нет, вдесятеро обостряют наше обоюдное желание...

В эту минуту мне было абсолютно всё равно, кто скрывается под маской Аптекаря. Всё, о чём я молила — это чтобы никогда не выпутаться из нежной паутины его ласк, так и раствориться в ней звенящей, медленно затихающей мошкой, чтобы никогда больше не приходиться в себя. Но увы, всё на свете однажды кончается. Закончился и мой сладостный сон без сновидений, и, в свете едва народившегося утра приподнявшись на локте, я увидела, что с моего мирно похрапывающего утешителя чуть-чуть сползла маска.

Естественно, я — очень осторожно и деликатно — помогла ей сползти ещё больше. Но ракурс, в котором я могла видеть его лицо, был так неудачен, что смысла в моих стараниях не оказалось никакого. В досаде я ещё сильнее потянула за край маски и, видимо, переборщила: Аптекарь пробормотал что-то, повернул голову и чуть приоткрыл один глаз. Усилие оказалось для него роковым, ибо сон тут же сморил его снова; но этого краткого мгновения хватило мне, чтобы уже безо всяких сомнений понять, кто был со мной нынче ночью.

Я тут же пожалела об этом. Загадочный Аптекарь, мой всемогущий утешитель внезапно исчез; вместо него рядом со мной лежал живой человек, пусть незаурядный, но всё же просто человек со своими слабостями и милыми недостатками — словом, человек, которого я к тому же прекрасно знала. Это последнее обстоятельство и заставило меня немедленно подхватиться и спастись бегством — пока он и вправду не проснулся и, в свою очередь, не узнал меня.

А-я-яй, Раненая Душа. Опухшая, нечёсаная, в местах продранном платье. Другие гости, попадавшие на пути, были ничуть не лучше, и перед ними я ни капельки не стеснялась. Но в памяти сира Виттора Астурка, одного из самых изысканных и просвещённых кавалеров Веннирата, мне всё же хотелось остаться чем-то приятным и немного загадочным.

Только вновь оказавшись в стенах собственного замка, в безопасности, на которую никто и не думал посягать, я поняла, какую огромную глупость совершила. Но было уже поздно. Даже если бы я прямо сейчас вернулась в замок великого герцога, я, скорее всего, уже не нашла бы там своего Аптекаря. Бал-маскарад закончился.

8

Выпавший наконец-то снег принёс умиротворение, спрятал недавнюю грязь и слякоть под ровным белым покровом. Утром я поднялась наверх, в свою самую высокую башню, чтобы оттуда посмотреть на недоступную прежде моему пониманию красоту обновлённого мира.

«Так спокойно... хорошо и спокойно...»

Но спокойствие редко бывает долгим. Вот и сейчас где-то на краю белого, чистого полотна я вдруг заметила чёрную точку, которая очень быстро и, я бы сказала, целеустремлённо куда-то двигалась. Сердце моё, которое невесть зачем хранило в себе память о подобных зрелищах, по старой привычке подпрыгнуло.

«Исварк?..»

Да, это был он и его чёрный конь. Я горько усмехнулась, вспомнив, сколько долгих, пустых часов провела на этой башне, надеясь увидеть то, что вижу сейчас. Впрочем, возможно, он направлялся и не ко мне: на пути его лежала развилка, где у него ещё был шанс выбрать иное направление.

«А если всё же сюда? Зачем? Что-то мне не верится, что после танца с Райской Птицей он внезапно вспылал ко мне ответной страстью. Или Шиана турнула его, как всех, кто имел несчастье ей не угодить? Но при чём здесь я?..»

Чёрная точка приближалась к развилке. Я не могла дать себе отчёт, хочу ли я, чтобы он повернул к моему замку, или проехал мимо. Знала одно: с каждым шагом его коня в сердце моём нарастает новое чувство, которого я в себе раньше и не подозревала. Это чувство было столь же сильным, как некогда — любовь. Но теперь оно называлось по-другому.

«Что ты везёшь мне, незванный гость? Не вести ли от сира Астурка? О, какое это было бы счастье! Но нет, этого не может быть. Ведь мой недавний любовник даже не знает, кто я! И не сможет узнать, даже если сейчас тоскует по мне с той же силой, что и я — по нему. Ах, какую же глупость я сделала!..»

Вид неумолимо приближающегося всадника вовремя отвлёк меня от слёз и запоздалых сожалений. Он уже одолел роковую развилку. Я не ошиблась: путь Исварка лежал в мой замок. У меня было на всё про всё минут десять; я отпрянула от окна и бросилась по лестнице вниз, чтобы успеть привести себя в порядок.

«Скачи, Исварк, скачи резвее. Ты ещё не знаешь, что власть твоя надо мною закончилась. Плоть моя ныне алчет утончённых ласк сира Виттора Астурка. О, мой Аптекарь знал толк в лекарствах, жаль что он не предупредил меня, что и от них бывают побочные эффекты. Но противоядие — всё же не яд, и та сладостная боль, что разбудило во мне его желание, не убьёт меня, а лишь подкрепит. Она и сейчас заставляет меня громко стонать в ночи, пугая бессонных слуг, но никогда не причинит мне такого зла, как причинил ты, Исварк, хладнокровно высосав душу и за ненадобностью выплюнув прочь. И ты за это заплатишься!..»

С этими словами я приблизилась к двери, которую уже сотрясал грубый, настойчивый стук, и с лицемерно-слащавой улыбкой на устах отворила её.

Тут же мне пришлось отскочить назад, ибо Исварк шагнул ко мне через порог с таким хозяйским видом, будто и не было многодневной разлуки. Секунда — и я оказалась в его грубых объятиях; видят Небеса, я совсем не хотела с ним ссоры, но запах розового масла от его бороды внезапно вызвал во мне такое дикое отвращение, что я инстинктивно оттолкнула его и вырвалась, сама не поняв, как мне это удалось.

Только тут, на небольшом расстоянии я смогла разглядеть гостя — и невольно затрепетала. Исварк был страшен. Волосы были всклокочены, борода стояла дыбом, глаза помутнели, но всё лицо имело выражение какой-то угрюмой решимости. — В чём дело? — злобно осведомился он.

Ещё недавно я мечтала о том, как однажды смогу сообщить ему, насколько он мне безразличен; но теперь, когда это стало святой правдой, мне было жалко выкладывать сразу все козыри — кто знает, где и когда они мне ещё пригодятся. К счастью, мне не пришлось ничего изображать — я и впрямь была напугана:

— Что случилось, дорогой?..

— Так-то ты меня встречаешь, — брезгливо буркнул Исварк, хлопая меня по заднице и снова пытаясь облапать; я еле успела отскочить. — А сколько клятв было, сколько истерик... Бабы...

«Интересно, что ему нужно?..»

— О, любимый, прости, у меня нечистые дни, — машинально сказала я то, что всегда говорят женщины в таких случаях. К моему приятному удивлению, Исварка это вполне устроило — и даже, как мне показалось, обрадовало:

— Нечистые дни, хорошо. Так пригласи гостя в дом, налей ему вина. Или оно у тебя тоже нечистое?

Что ж, может, у него развяжется язык и он, наконец, сообщит мне, с чем пожаловал. Я кликнула слугу. Исварк залпом опрокинул целый кубок, лицо его покраснело, глаза нехорошо

заблестели, но смотрел он почему-то не на меня, а куда-то чуть ниже, в сторону. Я не сразу поняла, что он смотрит на мою левую руку.

— Где твой браслет? — вдруг спросил он. От неожиданности я растерялась:

— Какой браслет, дорогой?

— Когда-то я подарил тебе золотой браслет. Где он?

Хороший вопрос. Браслета на руке и вправду не было, хотя я отлично помнила, что не снимала его даже в мыльной. Видимо, отстегнулся; ещё недавно это было бы для меня целой трагедией, но сейчас я только пожала плечами:

— Я... не знаю...

В тот же миг я чуть не взвизгнула от испуга: Исварк хряснул по столу кулаком так, что древесная пыль брызнула во все стороны:

— Где браслет, тварь?!!

— Да что ты... как ты...

— Так-то ты меня любишь! Так хранишь мои подарки!.. Где мой браслет?!!

Он весь трясся от ярости, сиплое дыхание с шумом выходило через расширенные ноздри. Спятил он, что ли?.. Я с ужасом поняла, что ещё немного — и он кинется на меня. А то, чего доброго, и придушит.

Дрожащим голосом я кликнула людей. Это немного охладило его пыл, хоть в голосе ещё звенели истерические нотки:

— Послушай, Софийя, мне нужен этот браслет. Он дорог мне... дорог как память о нашей встрече. Где он? Не бойся, я заплачу тебе за него втридорога...

Честно говоря, я и так с удовольствием отдала бы ему этот вшивый браслет — без обид, совершенно забесплатно и даже не спрашивая, зачем он ему понадобился. Проблема была в том, что я и в этот раз несколько не лгала: я и вправду знать не знала, куда он подевался.

— Я... кажется, потеряла его...

Лицо Исварка неожиданно исказилось в жалкой, фальшиво-добродушной улыбке, которая показалась мне страшнее, чем самые злобные ругательства. Теперь его голос звучал тихо, вкрадчиво и почти нежно:

— Милая... где ты могла его потерять? Подумай. Может быть, мы с тобой вместе его поищем...

Я честно попыталась вспомнить, когда и где видела на себе эту дурацкую цапку в последний раз. Когда собиралась на бал?.. Да — кажется, я ещё тогда подумала, что у платья Раненой Души длинноваты рукава...

Внезапно меня бросило в жар. Теперь я точно знала, где его оставила.

Но я скорее бы дала себя задушить, чем рассказала Исварку, да и кому бы то ни было, о крохотной комнатке с овальным окном. Впрочем, ничто не мешало мне сказать только половину правды:

— Я обронила его на бале-маскараде. У великого герцога.

Я со злорадством увидела, что Исварк смутился. Очевидно, у него тоже были связаны с этим балом приятные воспоминания. Которые, хвала Небесам, уже ни в коей мере меня не касались.

— Ты тоже была там? — только и сумел промямлить он.

— Да, дорогой, — произнесла я, с наслаждением чеканя каждое слово. — Там была вся венниратская знать.

По окаменевшему лицу Исварка я поняла, что он наконец-то перестал предаваться сладостной ностальгии — и задумался над моими словами. Я так и видела, как крутятся колёсики в его голове: он явно подсчитывал, сколько замков ему придется теперь объехать — и сколько это потребует времени, денег и загнанных лошадей. Судя по лицу, результат подсчётов его не слишком-то радовал.

Но мне уже было не до того, чтобы злорадствовать. Ибо мои-то подсчёты были гораздо короче — и по их итогам меня вдруг пронзила мысль, что теперь у меня есть вполне законный и уважительный повод нанести визит сире Астурку...

Как только я это сообразила, терпеть долее Исварка у себя в гостях стало для меня невыносимым. Я даже забыла, что хочу ему отомстить. Всё, что я сейчас чувствовала к нему — это благодарность за предоставленный предлог и желание, чтобы он исчез куда-нибудь, да поскорее.

К счастью, он и сам не собирался задерживаться. Я была больше не нужна ему. Всё, что мог, он выяснил, и теперь спешил откланяться, даже не придумав вежливого повода к прощанию. И то понятно — впереди у него было много дел.

У меня тоже.

Вопрос о том, зачем ему вдруг так понадобился этот несчастный браслет, я решила оставить на потом — хоть и чувствовала, что в этом есть что-то для меня важное. Мне было не до этого. Сейчас меня волновало одно: Астурк, Астурк и ещё раз Астурк!..

9

Рассуждения мои, о которых я не сочла нужным сообщить Исварку, были просты. Я обронила браслет, предаваясь сладостным утехам в комнате с гобеленами; а значит, искать вещь имеет смысл только у двух людей: сир Астурк или сам великий герцог Венниратский. Если, конечно, она до сих пор не валяется где-нибудь там, завалившись за ковёр.

Взвесив другие вероятности, я сочла их ничтожными. Скажем, браслет мог найти кто-нибудь из слуг и сбежать с ним: стоимости его вполне хватило бы бедняку, чтобы открыть в деревне небольшой трактир. Но это было маловероятно: все хорошо знали, как обращается со своими людьми великий герцог. Все они как один обожали своего господина за доброту и щедрость. С другой стороны, за предательство и воровство герцог карал очень жестоко. Так что вряд ли кому-то из них пришла бы мысль о подобной аванюре. В любом случае, никто пока не получал известий о том, что у герцога сбежал слуга.

Мысль о том, что герцог мог подарить мой браслет какой-нибудь даме, я также с негодованием отвергла. Это было не в его стиле. Скорее он бы разослал герольдов с объявлением о находке; но и герольдов пока что-то не было слышно. То есть либо герцог не находил браслета, либо, найдя, решил, что он валяется в той комнатке с незапамятных времён и отыскивать хозяйку бесполезно. Я, впрочем, ставила на то, что он его не находил — потому что и не мог найти.

Куда более вероятным казалось мне то, что Астурк, проснувшись поутру после бала и не найдя рядом Раненой Души — но зато найдя её браслет, — позаимствовал его на память о чудесной ночи, а, может быть, и в надежде на то, что хозяйка сама придёт за ним. Вернуть он его не мог, поскольку не знал, кому возвращать. Оставить, где нашёл, не мог тоже, ибо это значило бы подвергнуть удару репутацию дамы, — эта светлая мысль пришла мне в голову только что и отозвалась в сердце нежностью.

Но даже если я вдруг ошибаюсь, даже если сир Астурк и знать ничего не знает о моём браслете, всё же нет ничего постыдного в том, что я потеряла на балу дорогую вещь и теперь её разыскиваю. Ведь так? Тем более что очень скоро к нему с той же бедой прибудет Исварк — как некое доказательство того, что утерянный браслет действительно существовал.

Так я подбадривала себя, готовясь к встрече, о которой так долго мечтала и на которую ещё вчера даже не надеялась; но, между нами, на душе у меня скребли кошки. Несмотря на всю эту стройную цепь логических рассуждений, я вовсе не была уверена, что Астурк примет меня с надлежащими почестями.

Мы, конечно, были знакомы с ним, и даже неплохо, но чем дольше я перебирала в голове те слухи, что ходили о нём, тем мне делалось страшнее. Добрый охотник, весёлый собутыльник, не дурак составить партию в кости или приударить за хорошенькой женщиной, — в самую глубь своей души он всё же никого не впускал, это признавали все. И никто из тех, кто много раз сидел с ним за пиршественным столом, не мог сказать, что знает сира Виттора по-настоящему.

То же касалось и его хорошо укреплённого замка. Астурк с удовольствием разъезжал по знакомым с визитами, будучи лучшим говоруном на пирах и всю ухаживая за дамами; сам, однако, балов не устраивал и к себе никого не приглашал. Незваных гостей он терпеть не мог, чему доказательством было множество ходивших о нём жутких историй.

Рассказывали, к примеру, о надоевшем приятеле, который до тех пор не понимал намёков, пока под ним не обрушилась лестница — и несчастный сломал ногу, после чего ещё долго не мог делать визитов. О голодном путнике на столь же голодном коне, которого хозяин оставил замерзать на сорокаградусном морозе, так и не приподняв решётку (впрочем, судя по тому, что эта история вообще дошла до нас, Пиорок замёрз не насмерть). Говорили также, что хозяин замка — великий математик и алхимик, что у него в стенах заложена система труб, по которым течёт вода, когда ему, Астурку, этого захочется (и однажды он затопил в подвале назойливого гостя). Вот интересно! Посмотреть бы!..

Что ж, может быть, я очень скоро всё это и увижу. В конце концов, я дама — а для дам, тем более красивых, сир Астурк, говорят, делает льготы. Так я сказала себе, подъезжая по мосту через ров к подъёмной решетке — и чувствуя, что, несмотря на холод, вся взмокла от волнения и страха.

Решётка, однако, поднялась. Я аккуратно въехала внутрь, спешила и, предоставив своего Марта заботам конюших, смело направилась к башне. Внутри у меня всё трепетало, но я заставляла себя продолжать свой путь, неся голову прямо. Если что-то пойдёт не так или хозяин окажется не в духе, я просто принесу свои извинения и уйду. В конце концов, ничего зазорного я не делаю. И, мрак меня поглотит, мой браслет мог быть и впрямь дорог мне как память.

Ни одна лестница подо мною не обрушилась. Я сочла это добрым знаком и уже потихоньку готовила приветственную речь. Это должно быть что-то лёгкое, игривое и непринужденное. «О, сир, узнали ли вы свою Раненую Душу? Я пришла за своим браслетом». «Я кое-что потеряла, не только браслет, нет. Я потеряла покой, но и браслет тоже.» «Мой господин, душа больше не ранена, вы исцелили её. Позвольте ли вы мне...»

Но тут массивная входная дверь башни пришла в движение — и все домашние заготовки тут же вылетели у меня из головы:

— Любезная Софийя? Какими судьбами?..

На лестнице стоял он. Сир Астурк. Я испуганно вглядывалась в его лицо, боясь увидеть на нём кислое недовольство. Но ничего подобного не было. Он улыбался, весёлые карие глаза лучились добродушием, руки были широко расставлены в приветственном жесте. Насколько я могла понять, ничего неподобающего в моём визите он не видел:

— Добро пожаловать в мой замок, особенно если вы с добрыми вестями... Впрочем, неважно. Я очень рад!

Он галантно поклонился, приглашая меня войти. Я же могла только улыбаться да кивать. Лихорадочно я соображала, как же объяснить ему свой приход. Ибо в этот момент, когда все мои страхи оказались надуманными, я поняла, что последнее, о чём его спрошу — это о браслете. Пропали он пропадом, браслет. В эту минуту я знала одно: ничто, никакие сокровища на свете не заставят меня признаться этому человеку, что я — Раненая Душа.

10

— Мне нужно посоветоваться с вами, дорогой сосед, — с достоинством начала я.

Я уже пришла в себя, успокоилась и чувствовала себя хозяйкой положения. Несколько глотков доброго венниратского помогли мне в этом. Главное — я успела придумать новый удачный повод для своего визита. Это меня радовало.

Ибо теперь, когда оказалось, что хозяин не только не возмущён моим появлением, но и рад меня видеть, я была как-то не готова сменить роль благородной и уважаемой дамы Софийи на сомнительный образ Раненой Души, с который первый встречный может переспать на бале-маскараде. (Не только может, но и переспал). Это был бы явно невыгодный обмен.

— Стены моего замка начали разрушаться, возможно, виною всему мороз. Может быть, вы посоветуете мне какой-нибудь хороший состав для ремонта?

Астурк польщенно улыбнулся — его подкованность в строительных работах была известна каждому:

— О, милая Софийя, это не женское дело. Я пришлю вам своих каменщиков. Только потерпите до тепла — на морозе нельзя делать свежую кладку, могут появиться щели...

— О, как я вам благодарна! И ещё, сосед... — я мучительно искала какую-то ниточку, которая могла бы связать нас, — я слышала, у вас неплохая библиотека и очень быстрые переписчики. Вы не могли бы дать мне что-нибудь почитать? Зимой так не хватает развлечений...

Астурк изумился:

— Что же вы давно не сказали мне, дорогая! Уж кому-кому, а именно вам я был бы счастлив открыть двери своей библиотеки. Погодите-ка...

С необычной для его комплекции резвостью он вскочил из-за стола и скрылся где-то в недрах своей башни. Последовать за ним я не решилась. Я знала, что библиотека была любимым детищем Астурка, его сокровищем — и туда не было ходу даже тем посторонним, которые, вот как я сейчас, удачно миновали все другие бастионы. После такого хорошего начала нарываться на грубость не стоило.

В ожидании, пока он вернётся, я вспоминала нашу с ним последнюю встречу. Нет, не ту «последнюю» — а именно нашу с ним, как сира Виттора Астурка и любезной дамы Софийи. Мы тогда случайно оказались рядом за столом — то был пир по случаю дня рождения великого герцога. Сир Астурк был галантен и слегка за мною ухаживал: мы читали мадригалы, обменивались учёными сентенциями, говорили о вечном. Помню, тогда меня поразило, какой он, оказывается, интересный и тонкий собеседник, не в пример большинству наших баронов.

Поглоти меня мрак, подумала я, а у нас ведь с ним полным-полно общих интересов. Я давно могла бы прийти сюда за книгой, не дожидаясь Исварка с его необъяснимой золотой лихорадкой. Удивительно, как всё-таки мы, женщины, глупеем от любви.

Меж тем за дверью послышались шаги — и Астурк вернулся, неся в руках небольшой томик в алом бархатном переплёте, украшенном золотой вышивкой; он благоговейно положил его передо мной:

— Как вам это понравится, Софийя? Это лэ о прекрасной даме, страдающей от разбитого сердца. Можно даже сказать, о даме с раненой душой. Уж не знаю, насколько близка вам эта тема...

Он, прищурившись, посмотрел на меня. Я моментально всё поняла! И сделала равнодушное лицо, хотя внутри у меня всё задрожало. Он тоже искал!..

Не скрою, первым моим побуждением было кинуться ему на шею и закричать: «Да, да, это я!» Но я усилием воли заставила себя промолчать. Однажды что-то подобное уже было в моей жизни. Я слишком хорошо помнила ту страшную сцену с Исварком, когда я ползла за ним на коленях, сдирая их до крови о грубые плиты пола, цеплялась за плащ, умоляя не

уходить, и целовала следы его ног, — а он шел, шел вперёд, не оглядываясь. Сейчас, глядя на сидевшего рядом Астурка, с которым у меня всё только начиналось, я поклялась себе, что с ним ничего подобного не повторится.

На миг я испугалась, что вот сейчас он вытащит из кармана браслет — и, небрежно им побрякивая, спросит: «Это, случайно, не ваше?» Тогда уж мне точно некуда будет деваться. Но Астурк всё так же перелистывал страницы лэ, время от времени испытующе поглядывая на меня.

— С удовольствием почитаю, — сдержанно ответила я. — Когда вы сможете дать мне экземпляр?

— Ну что вы, Софийя, зачем вам ждать? Берите оригинал! Вернёте, когда сумеете...

— Но, дорогой сосед, — испугалась я, — что, если я случайно попорчу вам эту книгу? Не приведи Небеса пожар или потоп, да и от мышей я никак не могу избавиться!

Сир Астурк усмехнулся.

— Ну что ж, если с книгой что-нибудь случится, я требую с вас возмещения натурой.

Это было сильно сказано. В этот миг я заботилась только об одном: как бы он по моему лицу не догадался, что я готова дать ему «возмещение натурой» прямо здесь, на столе. Чтобы скрыть своё состояние, я принялась перелистывать лэ. Оно было изящно и дорого переплетено, и мне вдруг пришло в голову, что эта книга стоит куда дороже, чем тот пресловутый браслет.

Кстати, где он всё-таки?.. Не то что бы меня это сильно интересовало: мне он сто лет был не нужен. Но зато он был очень нужен Исварку, с которым у меня были ещё не сведены счёты, и это всё решало. Теперь, когда первый, самый сложный и опасный шаг к новой любви был сделан, я снова вспомнила о мести.

Но рисковать дружбой с Астурком, которая только-только начала завязываться, я тоже не могла. Так что тему браслета я решила оставить на потом. «Лишь бы только, — думала я, — мой Аптекарь сам не отдал его Исварку, когда он припрется сюда в своих поисках».

Но что-то, чему я склонна была верить, говорило мне, что сир Астурк ни за что этого не сделает.

11

Среди ночи я проснулась с мыслью о золотом браслете.

Да-да, о браслете. Не о ласковых руках сира Астурка, не о его чудесной книге, которую я начала читать на ночь, и даже не о мести, поджидающей подлого Исварку — а именно о браслете, о котором — как мне вдруг стало ясно — я и не переставала думать со вчерашнего дня.

«Неужели я такая крохоборка?!..»

Но ещё немного подумав, я успокоилась на свой счёт. Браслет интересовал меня не сам по себе, не как утерянная золотая вещь, которую в голодный год можно выгодно продать, чтобы накормить крестьян, и даже не как средство мести Исварку. А как немного жутковатая, но интересная загадка.

«Зачем он всё-таки ему понадобился? И почему вдруг так срочно и сильно? Что Исварк даже готов был переспать со мной, чтоб его заполучить...»

Я стала думать, но так ничего и не придумала. Единственное, что приходило мне в голову — ревность дамы Шианы. Возможно, она велела своему новому мужчине собрать и уничтожить всё, что он когда-либо дарил другим женщинам. Чтобы отныне он принадлежал ей безраздельно...

Что ж, версия казалась вполне правдоподобной. Шиана Татианская и впрямь была жуткой собственницей. Заподозрить её в том, что она попросту, по-бабьи позарилась на мой брас-

лет, я не могла при всём желании. С госпожой Шианой мне не тягаться, у неё куда больше и дорогих украшений, и кавалеров, готовых таковые дарить.

На этом я и успокоилась, повернулась на другой бок и уже почти начала было засыпать. Но тут же вновь вскочила, будто подброшенная какой-то незримой силой. Браслет! Опять он!

«Есть ведь отличный, простой способ узнать эту тайну. Не прибегая к помощи Исварка, сира Астурка и великого герцога Венниратского!»

И впрямь, как я могла забыть о колдунье Лаготт?.. Я снова, как наяву, увидела перед собой лицо Шианы во льду. И ведь всё сбылось! Но если уж ей под силу такие сложные вопросы, как кто кого любит, то загадку какой-то цапки она уж точно решит без труда!

Теперь я могла спать спокойно, как человек, который точно знает, что ему следует делать.

Я хотела отправиться к Лаготт прямо на следующее утро, но помешал неожиданно нагрянувший Пиорок. Он был, как всегда, голоден, но необычно весел. После обеда выяснилось, чем вызвана эта весёлость: оказывается, он привез порцию свежих сплетен, которые ему не терпелось мне сообщить.

Исварк-то от любви совсем сошел с ума. Он каждый день ездит по чужим замкам, уже добрую часть местных баронов объездил, и всё спрашивает про какой-то браслет. Не находил ли кто? Поначалу-то всё было ещё ничего, в рамках приличия. Но вот одна богатая вдова, на которую он, Пиорок, имеет виды... (тут он понизил голос) ...так вот, эта вдова рассказала, что Исварк приезжал к ней и выглядел так, словно одержим Тёмными Силами. Он, Пиорок, не очень верит (между нами, эта вдова гораздо приврать), но будто бы Исварк ползал перед ней на коленях, рыдал, целовал ноги и умолял вернуть ему браслет, если, на свое несчастье, она его нашла. Вдова и рада бы ему помочь, да только никакого браслета она в глаза не видела — он, Пиорок, это знает точно, потому что от него, Пиорока, у вдовы нет никаких тайн.

— А всё потому, что... — и тут Пиорок окончательно перешёл на шёпот, — лардесса Татианская страшно мучит его, требуя этот браслет... Понимаете? Она отказывает ему от ложа...

Он гаденько захихикал. Я молчала. Мне больно было слышать, что Исварк так унижается, всё-таки я когда-то любила его и он был для меня не совсем чужим. Ненависти к нему я больше не испытывала.

Мне даже стало не по себе от того, что я такая растеряха и он так страдает по моей вине. Если бы только я могла — немедленно вернула бы ему этот браслет. Но я ведь даже не знаю, где он...

Всё это ещё больше убедило меня в необходимости визита к колдунье. Я решила, что схожу к ней завтра... нет, послезавтра... вот только дочитаю лэ...

12

И правда, неплохо было бы уже и дочитать это «Разбитое сердце» — пока его в самом деле не погрызли мыши. Это было мне наказание от самой себя за крохоборство. Впрочем, книга была и впрямь чудесно написана и я читала её с огромным удовольствием. Особенно мне грело душу, что теперь всё это уже не про меня.

Когда оно подошло к концу, я решила, что колдунья Лаготт может и подождать ещё немного. Есть кое-что поважнее: к примеру, мне казалось вполне уместным после такого долгого перерыва обратиться к моему дорогому библиотекарю за новой книгой. Только пусть она будет не о несчастной любви, хватит с меня несчастной любви. И вообще несчастий. Пусть она будет, например, о...

— ...потерянном и счастливо найденном?

Сир Астурк стоял на самом верху приставной лестницы и рылся в своих фолиантах. Древняя пыль сыпалась на меня. Я держала лестницу — хотя и понимала, что, если он решит упасть,

помешать этому будет не в моих силах. Но это было не так уж важно перед лицом оказанной мне чести.

Это был первый раз, что меня допустили в святая святых — библиотеку. Глаза у меня разбежались и я чуть было не попросила у хозяина позволения остаться здесь жить. Но как-то побоялась быть превратно понятой и в который уж раз сдержалась.

— Как насчёт потерянного и счастливо найденного, Софийя? Вы ведь любите истории с хорошим концом?

— А нет ли у вас лэ о человеке, благополучно спустившемся с лестницы? — спросила я, морщась и промаргиваясь от пыли, вконец запорошившей мне глаза. Астурк рассмеялся и ловко спрыгнул вниз, успев прихватить с собой книгу.

— Вот, это должно вам понравиться. — Он послунывил палец и перелистнул несколько страниц. — Тут есть хороший момент... вот...

Кто, дорогое потеряв,
Трубит об этом, тот дурак,
Но вряд ли он глупей, чем тот,
Кто промах свой уносит в гроб.

Что вы скажете об этом, Софийя?

— Ну, это прямо про Исварка, — рассеянно сказала я. — Вот уж кто трубит о своей потере на всех перекрестках...

— О своей ли, Софийя?.. Впрочем... — он вдруг нахмурился. — Вы правы, он безумен. С недавних пор. И мне, честно говоря, было не очень-то приятно его таким увидеть...

— Он был у вас? — вырвалось у меня. Астурк печально кивнул.

— Да, был вчера. Вы правы, лучше бы он унёс свой промах куда подальше...

— И вы не спустили его с лестницы?! Не утопили в подвале?!

— Зачем же. Этот человек и без того страшно несчастен. И я усугубил его несчастье. Солгал, что не знаю, где то, что он ищет.

— А на самом деле вы знаете?

— Конечно.

— И где же оно?..

— Да вот.

И тут он действительно вытащил из поясной сумки браслет и помахал им перед моим носом. К моему ужасу, я увидела, что он ещё и подмигнул.

Но я не приняла игры.

— О, — сказала я. — И вот из-за этой пакости он ездит повсюду и беспокоит честных людей?

Астурк улыбнулся и убрал браслет обратно.

— Любезная Софийя, люди подчас беспокоят друг друга и из-за куда более мелких пакостей. Да и почему «пакость»? Очень изящная вещица. Я бы рад был вернуть её хозяйке... если б она за ней пришла...

— Хозяйке? Но Исварк...

Сир Астурк рассмеялся.

— Исварк, насколько я понимаю, пока ещё не дама. И не носит дамских браслетов...

— Лардесса Татианская?

— Нет, это не её вещь. И никогда ей не принадлежала.

Он внезапно посерьёзней:

— Тут какая-то тайна, Софийя. И я уверен, что разгадал бы её, если б кое-кто нарочно меня не запутывал. Кстати...

Он вдруг как-то подобрался, взглянул на меня и спросил в упор:

— Вы ведь были на том бале?..

— На каком именно? — спросила я, дрожа. — Я посещаю все балы.

— Не боитесь чумы?

— Ни капли.

Он слегка смягчился:

— Я имею в виду маскарад у великого герцога. Вы же были там, верно?..

После того, как я сказала ему, что не пропускаю ни одного бала, было бы глупо утверждать, что я пропустила именно этот. Я пожала плечами.

— Ну конечно, были. Давно хочу спросить: а в каком костюме? Удовлетворите моё любопытство.

— Но, сосед, — возмутилась я, — вы хотите знать слишком многое...

— О, прошу прощения, любезная Софийя, если я затронул что-то интимное. Я просто хотел продолжить с вами разговор об искусстве. Многие костюмы на том балу были выполнены с удивительным искусством, верно?..

Я надменно вздернула голову:

— На балах я обычно танцую, а не глазею на чужие костюмы, дорогой сосед.

— В таком случае вы не женщина, — спокойно ответил Астурк и отвернулся к окну. Я ждала, что будет дальше. И верно, он, продолжая глядеть в окно, сказал:

— Там был один костюм... Серое платье с длинными рукавами, глухой капюшон... Пятно крови на сердце... И маска горя. Вы не знаете, кто это был?

— Откуда же мне знать? — оскорбилась я.

— Возможно, это кто-нибудь из ваших знакомых?

— Возможно. А почему вы интересуетесь?..

— А потому что это её браслет. Она его потеряла.

— Ну а вам-то что с того? Может, он ей больше не нужен?

— Может, она сама не знает, что ей нужно. Я бы хотел вернуть его, пока Исварк не наделал глупостей...

— Так отдайте его Исварку и дело с концом. А ваша дама сама виновата. Не надо было быть такой растеряхой...

— Это чужая вещь, я не имею права отдать её кому-то, кроме хозяйки. Разве это не очевидно?..

Разговор зашёл в тупик. Я уже не знала, зачем скрываюсь, ведь в голосе Астурка, когда он говорил о Раненой Душе, звучала такая тоска... Но после того, как я так долго ломалась, вот так, сразу, признаться во всём было как-то глупо.

— А сами-то вы в каком костюме были, дорогой сосед? — спросила я, чтобы хоть что-то спросить. Он резко повернулся и, глядя мне прямо в глаза, ответил:

— Чёрного Козла.

— Вы лжёте, — возмутилась я — и тут же поняла, что выдала себя своим возмущением. Но было поздно. Астурк улыбнулся и миролюбиво сказал:

— Конечно, лгу. Как и вы, любезная Софийя. Вы же прекрасно помните, в каком я был костюме.

13

Я спаслась бегством, сославшись на то, что у меня сегодня есть ещё одно неотложное дело. Это было чистой правдой.

Все эти дни я, как могла, откладывала поездку к Лаготт. Я понимала, что сделать это необходимо, но просто не могла себя заставить. Разговор с сиром Астурком стал тем самым толчком, которого мне так не хватало.

Теперь мне просто не терпелось повидать колдунью. Я так и видела лицо Астурка, когда я скажу ему, что разгадала тайну сама, без его помощи. Можно будет даже признаться, что я — Раненая Душа. С высоты моего триумфа это будет уже совсем не так позорно.

Собираясь на свидание с Лаготт, я предусмотрительно захватила на кухне мясных объедков, помня как напугали меня в тот раз собаки — надо бы их прикормить.

И впрямь, подходя к дому, я сразу же увидела их. Как и в тот раз, они тут же сбежались и обступили меня; но теперь они не рычали, а только тихо поскуливали, хвосты их были поджаты, а рёбра торчали, как обруча бочек.

Колдуньи нигде не было видно. Я вывалила на снег объедки, и голодные собаки с жадностью накинулись на угощение.

Именно в эту секунду я заподозрила недоброе. Почему Лаготт не накормила собак? Я прошагала к дому и толкнула дверь. Та была не заперта. В скудном свете дня, заглядывающего в дом, мне представилась жуткая картина разрушения: всё было перебито, переколочено, стол и стулья перевёрнуты — но самой колдуньи нигде не было.

Первым моим побуждением было броситься вон из этого дома, где происходят такие страшные вещи. Но странная жалость заставила меня помедлить. Я должна была проверить, не сделал ли кто-нибудь с моей колдуньей того, что я сама подумывала сделать с ней ещё так недавно. Вдруг она лежит там, внизу, в подполе, с переломанными ногами?!..

Я не без труда открыла железную крышку и позвала — сначала неуверенно, потом громче. Никто не отвечал. Храбрость моя и милосердие простерлись до того, чтобы спуститься по ступеням вниз и проверить, нет ли на полу тела. Его не было.

Оставаться здесь дальше не было смысла. А то даже и опасно. Незванный гость, разгромивший дом колдуньи, мог в любую минуту вернуться и застать меня. Дождаться этого момента мне вовсе не хотелось.

Ясно было одно: Лаготт или похитили или убили, спрятав тело где-то подальше. Впрочем, подумав, я отказалась от второй версии: собаки не выли, как непременно было бы, если б их хозяйку лишили жизни. Они просто были голодны. Всё склонялось к похищению. Но кто это мог быть?..

«Исварк! — пронеслось у меня в голове. — Он опередил меня!»

Но зачем ему похищать колдунью? А тем более — громить её жилище? Если он хотел просто узнать, где браслет, ничто не мешало ему спокойно и тихо прибегнуть к её услугам...

Разве что он не хотел, чтобы о его визите узнал кто-то третий — и решил заткнуть колдунье рот. Но и тут было гораздо проще сбросить её в подпол, да там и оставить. Без всякого громохання и битья горшков...

В общем, всё это было крайне загадочно. По здравом размышлении, может Исварк тут и не при чём. В конце концов у Лаготт было врагов пол-деревни. И первый из них — кузнец.

Как ни противно было мне опять возвращаться в дом, где жила бесноватая, я понимала, что придётся это сделать. В конце концов, Небеса поставили меня госпожой над этими людьми, и я за них отвечала. В какой-то мере.

Размышляя таким образом, я подъехала к жилищу кузнеца. Открывшая на мой стук девушка, не первой молодости и слегка замороженная, но высокая и стройная, сказала мне, не поднимая глаз, что отец в кузнице.

Видимо, это была вторая дочь кузнеца. Почтительности ей явно не хватало, а ведь сейчас я была одета в своё обычное платье. На её счастье, мне было не до того. Я ограничилась тем, что велела ей проводить меня в кузницу именно тем самым тоном, каким мне и подобало — тоном безразличного презрения.

Увидев меня, кузнец ахнул — и без лишних слов рухнул к моим ногам. Тут я вспомнила свой кошель с золотом, который как-то, помнится, оставила здесь. Неудивительно, что теперь он относился ко мне с почтением.

— Милосердная госпожа! Кланяйся, Ланка, кланяйся!

Девушка нехотя опустилась на колени. Я же застыла в недоумении. Либо у кузнеца были две дочери Ланки, либо это именно та самая Ланка и есть. В таком случае она сильно изменилась к лучшему — с тех пор, как я видела её в последний раз. Однако, подумала я, Лаготт сказала чистую правду: девушка сама так и нарывалась на справедливое наказание.

Но мрак с ней. Сейчас мне важно было допросить кузнеца. Когда он в последний раз посещал колдунью Лаготт? Кузнец с опаской оглянулся на Ланку и в ужасе замахал руками: что вы, госпожа, я вообще туда не хожу.

Хорошо. Знает ли он, что с ней случилось? Кузнец не знал. Неужели стерва сдохла, с надеждой спросил он. Нет, всего лишь пропала неизвестно куда. Ах вот оно что, обрадовался кузнец, а они-то с женой думали-гадали, чем обязаны своему неожиданному счастью. А именно: на днях Ланка впервые за долгие годы не разразилась руганью и ворчанием, а спокойно и внятно сказала, что хочет есть. А потом сказала, что хочет помыться, надеть чистое платье и немного прибраться в доме. А то в нём как-то нехорошо пахнет.

— Видите, госпожа, как моя дочка выправилась! — плакал от счастья кузнец.

Что ж, ясно было по крайней мере, что он не лжёт. Виновница всех этих чувств, продолжая стоять на коленях, с ядовитой улыбкой смотрела куда-то в сторону. Как же ей везло, как же ей потрясающе везло, что мне было не до неё!..

А не проезжал ли на днях через нашу деревню чёрный всадник? Проезжал, снова обрадовался кузнец. Туда и обратно. Да не один, а с целой кавалькадой. Вооружённой и с факелами. Поскольку дело было ночью. Его, кузнеца, пинками подняли с постели и заставили подковать захромавшего коня из свиты важного господина. Зато уж и насмотрелся он на господ! Да что там, вся деревня сбегалась смотреть. А на следующий день Ланка-то и выздоровела...

Стоп, о Ланке потом. Как выглядел важный господин? Оо, он был очень красивый, широкоплечий и бородатый. И очень-очень злой... Одному из наших одним ударом ноги зубы выбил...

Дальше я слушать не стала. Я уже и так знала то, что мне нужно было знать.

Исварк. Он зачем-то похитил мою колдунью, может быть даже пытается её где-то в своих подземельях...

Откупившись от разговорчивого кузнеца очередным увесистым кошельком, я спешно отправилась домой. Всё это было очень странно; мне не терпелось остаться одной и как следует всё обдумать.

14

Но спокойно поразмыслить, как я надеялась, мне было не суждено.

Едва я вошла к себе, меня охватило какое-то неприятное чувство, причины которого я не могла понять. Что-то было не так в окружающем воздухе. Я решила, что просто устала, и решила подняться в спальню и отдохнуть, — но по мере того, как я преодолевала ступени, чувство тревоги всё нарастало. Тем не менее я толкнула дверь спальни и вошла в её густую тьму — и только тут поняла, что же было не так: запах розового масла, которому в моём доме неоткуда было взяться. Кроме, разве что...

В ту же секунду чья-то грубая рука зажала мне рот; а в следующий миг меня швырнули на ложе и навалились сверху всей тяжестью, щекая лицо бородой. Я даже испугаться не успела. Ощущение было слишком знакомым, чтобы у меня ещё оставались сомнения.

«Надо было предупредить людей», — мелькнуло в голове.

— Что тебе нужно? — прохрипела я, когда мне вновь было позволено говорить.

— Колдунья... — услышала я над ухом свистящий шёпот. — Где она?..

Это был вопрос, которого я ожидала меньше всего. От изумления у меня даже злость прошла, вот только дышать по-прежнему было тяжело, раздражала борода, да ещё его пряжка больно впивалась в живот. Но если он спрашивает меня об этом, значит...

Тяжёлая пощёчина прервала мои логические изыскания.

— Где она?! — зарычал Исварк, дёргая меня за волосы; от боли я вскрикнула. — Я знаю, ты прячешь её где-то у себя. Отвечай, стерва!..

— Ты спятил, что ли?! — крикнула я, стараясь отвернуться, чтобы не слышать этот удушливый запах. — Мне-то она зачем?!!

— Не лги, сука, или я придушу тебя!

В следующий миг я ощутила пальцы Исварка у себя на горле. И вот тут испугалась по-настоящему. Этот спятивший бородач, мучимый неразделённой страстью (увы, не ко мне!), и впрямь мог выполнить свою угрозу — просто чтобы сорвать злобу и унижение хоть на ком-то. Тратить последние силы на крик было бесполезно. Мои люди ни за что не посмели бы явиться в спальню на крики госпожи, когда она там с мужчиной. На то и был его расчёт, в отчаянии подумала я.

Убеждать его в чём-то было бесполезно. У меня оставался только один шанс, рискованный, но выбрать не приходилось.

— Хорошо, — прошептала я, — ты прав, она здесь. Пойдём, я выдам её тебе.

Я с облегчением и радостью почувствовала, что мне стало легче дышать. Исварк скатился с меня, точно как когда-то — после нескольких часов непрерывной любви; но сейчас это была ненависть.

— Не вздумай сбежать, сука, — предупредил он, наматывая мои волосы себе на руку. Это немного осложняло дело, но вовсе не делало его безнадёжным. Исварк действовал на ощупь, движения его были хоть и грубыми, но неуверенными. Я же прекрасно ориентировалась во мраке собственной спальни — и знала, чего хочу.

И всё вышло именно так, как я хотела. Исварк потащил меня к двери, но та была притворена, а, значит, выход ещё надо было найти. Это и заставило нас с ним слегка покружить по комнате, что в итоге привело нас вместо двери к погасшему камину, на котором — я точно знала где — стоял бронзовый подсвечник на увесистой ноге. В какую-то долю секунды мне удалось протянуть руку и схватить его, и в следующий миг я со всей силой отчаяния опустила его на голову бывшего любовника.

Тут же я вскрикнула от боли: Исварк, падая, потащил меня за собой за волосы, которые так и остались намотанными на его руку. Мне понадобилось немало усилий, чтобы выпутаться, впрочем, я вскоре поняла, что никто мне в этом не мешает. Освободившись, я немного выдохнула и только тут посмотрела на своего мучителя. Он лежал на полу тёмной кучей, не подавая признаков жизни.

Я выскользнула из спальни и вернулась уже со свечой. Я даже не сразу сообразила, что вставила её всё в тот же подсвечник. Это открытие вызвало у меня нервный смех; он, впрочем, застрял у меня в горле, когда я увидела, что натворила.

Исварк в неловкой позе лежал на полу, и вокруг его головы растеклась лужа крови. Я почувствовала, что ноги у меня подкашиваются. Убить высокородного барона — это немного не то, что убить смерда. За это и моя собственная голова вполне могла лечь на плаху.

Небеса, что же делать?!.. Собственно, вариантов было немного. Точнее, только один.

«Надо же, — благодарно думала я, вбегая в конюшню, — мои люди так хорошо меня знают и тонко чувствуют, что успели приготовить мне лошадь, не дожидаясь приказаний. Придётся их наградить».

Только где-то на пол-дороге, когда я слегка успокоилась, до меня дошло, что это не лошадь, приготовленная для меня, а всего лишь нерасседланный конь Исварка. Ну вы поняли, да? Это только я могу — убив человека, скакать на такой улике посреди чиста поля. Хорошо ещё, что уже стемнело.

Хорошо было и то, что подвесной мост сразу опустился передо мной, а решётки поднялись. А также то, что дубовая входная дверь башни оказалась не заперта. В общем, много было хорошего, в особенности то, что навстречу мне уже спешил с удивлённым лицом...

— Аптекарь! — выкрикнула я. — Аптекарь, мне нужна ваша помощь!!!

Лицо сира Астурка из удивлённого вдруг превратилось в испуганное:

— Софийя, что случилось?..

— Да, да, это я! Познакомьтесь — Раненая Душа, и мы с вами переспали! Можете сколько угодно презирать меня за это! Только помогите мне, умоляю!..

— Но объясните же мне... — он схватил меня за локти, взгляделся в лицо, потом чуть ниже. — Что это? Вы вся в крови. Вы ранены?

— Это не моя кровь. Я... я убила его...

— Кого?

— Исварка! Я ударила его по голове подсвечником, и он, кажется, умер!.. Что вы смеётесь?!

— Любезная Софийя, убить человека не так-то просто. А уж тем более такой изящной женщине, как вы. Думаю, он просто потерял сознание. Впрочем, он давно его потерял...

— Но было столько крови...

— Сразу видно, что вы женщина, не искушённая в драках. Сосуды на голове очень слабые и крови обычно целая лужа. А виной всему крохотная ссадинка.

Я немного перевела дух

— А если он всё-таки умер?

— Будет очень жаль. Тогда мы с вами рискуем так и не узнать разгадку тайны браслета...

Я невольно рассмеялась. Астурк одобрительно посмотрел на меня.

— Так-то лучше. Но нам действительно нужно поторопиться. Пока этот змей не уполз куда-нибудь из вашего замка. Мне хотелось бы о многом его расспросить...

— Далеко не уползёт, — заверила я. — Я приехала на его лошади.

— Молодец, — прицокнул языком мой покровитель. — Но всё-таки расслабляться не стоит. Как вы считаете, его конь выдержит двоих?..

15

Пока мы вдвоём скакали на многострадальном Мраке по направлению к моему замку, я торопливо вводила Астурка в курс дела, обняв его сзади руками и прижавшись всем телом. (К моему огорчению, это обстоятельство, кажется, волновало его куда меньше, чем то, что я говорю.)

Не успев снять верхнюю одежду, мы бросились в спальню. (О, как жаль, что эта чудесная фраза сейчас имела совсем не тот смысл!) Даже не успев зажечь свечи, мы с радостью поняли, что оба наших опасения не оправдались. Исварк был там же, где я его оставила. И он был жив. Это было ясно по тому, что он глухо, но довольно громко стонал.

— Эй, люди, свету! — властно крикнула я, вернее хотела крикнуть, но Астурк вовремя меня остановил. Лишних глаз и ушей здесь не нужно, пояснил он, даже если это верные люди. Он прекрасно справится и сам.

По его просьбе я принесла свечей, таз с водой и целую гору корпии. При свете стало ещё яснее, что Исварк не так уж плох. Он всё ещё постанывал, но дышал ровно, пульс его, как определил Астурк, был в порядке, цвет кожных покровов не изменён.

— А теперь посмотрим, что у него с головой, — сказал он. — Не проломили ли вы ему череп?

Я содрогнулась. Астурк порылся в небольшом поясном мешочке и вытащил оттуда другой мешочек, совсем крохотный. Он высыпал оттуда какой-то порошок в таз с водой; там сразу же всё закипело, забурлило и вспенилось.

— Что это?.. — испуганно прошептала я.

— Вам, наверное, говорили, что я немного алхимик? — тихо ответил Астурк. — Не беспокойтесь, я не причиню ему вреда.

Он смочил в тазу лоскут ткани и принялся нежно, осторожно примачивать то место на голове Исварка, куда я ударила и где (как мне казалось) было сплошное кровавое месиво. Жидкость снова зашипела и запузырилась. Я вздрогнула, но Астурк жестом успокоил меня и спокойно продолжал свое дело. Спустя пять минут стало ясно, что свершилось чудо: на голове Исварка совсем не осталось крови, а небольшая ссадина, которая обнаружилась под волосами, выглядела совсем безобидно.

— Жить будет, — резюмировал Астурк, убирая свои принадлежности обратно в мешок.

От облегчения я готова была разрыдаться — а ещё лучше, потерять сознание. К счастью, Астурк вовремя заметил, что я нуждаюсь в помощи, пожалуй, даже больше, чем его пациент — и решил эту проблему кардинально, взяв меня за подбородок и впившись в губы заботливым поцелуем. Я вскинула руки, чтобы обнять его за шею — и несколько секунд мы стояли так, забыв обо всём, пока Исварк не вывел нас из этого состояния громким и протяжным стоном.

— Кажется, он приходит в себя, — шепнул Астурк, выпутываясь из моих объятий. — У вас есть в запасе крепкие напитки?

Я сбегала за бутылкой рома. Астурк одобрительно кивнул, опустил на колени подле Исварка и принялся приводить того в чувство. Он осторожно перевернул его на спину, подложив под голову небольшую подушку (кровь на полу была уже замыта), и слегка похлопал по щекам. Исварк слегка приоткрыл мутные глаза и снова застонал.

— Где я?..

— Не беспокойтесь. Вы среди друзей, — успокоил его Астурк. Исварк недоверчиво обвел взглядом обстановку; тут его глаза остановились на мне и на лице проявилась мучительная умственная работа.

— Что со мной?..

— Ничего страшного, немного упали. Но теперь всё будет хорошо. — Он взял у меня бутылку, поднес её к губам Исварка и влил в него глоток рома. Исварк судорожно сглотнул, после чего глаза его немного прояснились: он явно стал что-то припоминать. И, судя по напрягшемуся лицу, эти воспоминания ему не нравились.

Астурк велел мне кликнуть слуг, чтобы они перенесли заболевшего господина на ложе: теперь, когда все следы были замечены и опасность миновала, в этом не было ничего предосудительного. Так я и поступила, и через минуту Исварк со всеми удобствами был водворен на кровать. Астурк присел рядом с ним на краешек одеяла.

— Как вы себя чувствуете, дружище?

— Голова раскалывается... — простонал бедняга. — Я, верно, очень сильно ударился головой...

— Не кружит? Не подташнивает?

Исварк сверился со своими ощущениями:

— Кажется, нет...

— Ну вот и славно. Теперь только полежать денёк и всё пройдёт. Воспользуетесь ли вы гостеприимством этой доброй дамы, или прикажете перевезти вас в ваш замок?

Исварк измученно прикрыл глаза.

— Мой замок... Я давно не был в нём. Я живу у лардессы Татианской в одном из гостевых покоев...

— О, — уважительно прицокнул языком Астурк. Исварк печально помотал головой.

— Нет, вы не поняли. Я не делю с ней ложе. Эта страшная женщина мучит меня всеми пытками ада, — заплакал Исварк. — Она ходит передо мной в полупрозрачных одеяниях, но едва я захочу её коснуться, кличет своих телохранителей — Борова и Марса. О, когда-нибудь я убью их обоих!..

Исварк заскрежетал зубами и застонал.

— Единственный раз, когда она позволила мне коснуться её плоти — тогда, на балет-маскараде... О, если б я знал, что меня ждёт дальше! При каждом воспоминании об этом огонь адского желания жжёт моё нутро...

— Выпейте ещё, — сочувственно посоветовал Астурк, поднося бутылку к пересохшим губам несчастного. Исварк припал к ней, как младенец к материнской груди и в считанные секунды вылакал всё. Я с радостью заметила, что это ему явно помогло.

— Но она обещала, — закончил он почти нормальным тоном, — дать мне всё, чего я пожелаю, в тот день, когда браслет окажется в её руках.

— А зачем он ей? — осведомился Астурк. — Она хоть что-нибудь объяснила?

Исварк грустно покачал головой:

— Она очень злится, когда я об этом спрашиваю. Поэтому я больше ни о чём не спрашиваю...

— Ну, мне-то она всё расскажет, — уверенно сказал Астурк, развязывая поясной мешочек. К моему ужасу, он вынул оттуда браслет и слегка позвенел им перед глазами Исварка.

Лицо Исварка в один миг стало безумным. Он рванулся к заветной цапке, но головная боль заставила его сморщиться, застонать и снова опуститься на постель. Астурк с искренним состраданием смотрел на него.

— Послушайте, дружище, — сказал он. — Вы же отлично понимаете, что, как только браслет будет у неё, она выкинет вас, как щенка, и даже не поморщится.

Исварк зажмурился, прикрыл глаза рукой, как бы не желая видеть ту страшную картину, что ему нарисовали. И стало ясно, что эта мысль уже не раз приходила ему в голову.

— Но если она получит его не от вас, — продолжал Астурк, — у вас ещё будет шанс стать ей интересным. Правда, Софийя?..

Я тут же поняла, о чём он:

— Ну конечно! Надо показать ей знаменитый характер Исварка! Чтобы она знала, что ты не собираешься по щелчку бежать и выполнять все её прихоти! Пусть она знает, что ты нашёл браслет, но отдал его не ей...

В глазах Исварка забрезжило понимание:

— ...а тебе, — шёпотом продолжил он с таким ужасом в лице, будто только что отважился заглянуть в бездну. — О Небеса, но как же я посмею...

— Посмеете, — уверил его Астурк. — Это ваш единственный шанс. И он у вас есть, насколько я могу судить.

Исварк глубоко вздохнул.

— Вы чертовски правы. Я и так слишком долго унижался перед этой женщиной. Теперь её черёд...

На мгновение он стал похож на прежнего Исварка, и моё сердце сжалось от нежности.

— Но как же... — продолжал Исварк, — как же я дерзну?.. Сейчас я готов на всё, но присутствие этой женщины лишает меня воли...

Астурк успокоительно похлопал его по руке.

— Вам и не нужно будет ничего делать. Мы будем с вами. От вас требуется одно: молчать и делать каменное лицо. Это вы сможете?

— Это смогу, — заверил Исварк.

— Вот и славно. А сейчас отдыхайте, набирайтесь сил. Если что-то понадобится, зовите. Впрочем, кажется, вы и без меня хорошо знаете этот дом...

Он покосился на меня, чуть помрачнев, и я внутренне возликовала. То был первый случай за всё наше знакомство с сиром Астурком, что в нём проявилось что-то хоть отдалённо похожее на ревность.

16

К утру Исварк настолько пришел в себя, что смог встать и позавтракать вместе с нами. Да, именно «вместе с нами». Сир Астурк тоже провел эту ночь в моей опочивальне — только, к сожалению, не со мной, а с Исварком. (Больному был нужен уход). Пожалуй, сейчас это было единственное, что меня растроивало.

В остальном всё было чудесно. Теперь, когда Исварк доверял нам и знал, что я ему не враг, язык его развязался, он даже смеялся и весело шутил, чего я не видела очень давно. Это придало мне смелости спросить его о том, что мучило меня со вчерашнего дня — что же всё-таки за история произошла у него с колдуньей Лаготт?..

Исварк немного помялся — видно было, что вспоминать об этом ему неприятно, — но после второго кубка венниратского его прорвало.

Оказывается, светлая мысль навестить колдунью пришла нам с Исварком почти одновременно. Вот только, в отличие от меня, его не интересовали никакие тайны, он просто хотел узнать, где находится браслет — и только. С этим запросом он и шёл к Лаготт, не подозревая ничего недоброго.

Но, к его изумлению, нужные сведения пришли к нему даже раньше, чем он о них спросил. Ибо когда колдунья готовилась к сеансу (Исварк выбрал песок), её правый рукав в какой-то миг слегка задрался — и оттуда блеснуло что-то золотое.

К тому времени Исварк был уже достаточно одержим поисками браслета, чтобы не узнать искомое по любому крохотному элементу, по мельчайшему звеньищу. Он схватил колдунью за руку и потребовал показать украшение.

К его изумлению и ярости, оказалось, что он не ошибся. Это был его браслет, он узнал бы его из тысячи похожих. К тому же он помнил, что на нём был опознавательный знак — надпись на неизвестном ему языке с внутренней стороны; он заставил колдунью снять браслет и показать изнанку. Надпись была там.

— Откуда у тебя этот браслет? — в ярости спросил Исварк. Но колдунья заявила, что это её фамильная драгоценность и что он не имеет права (так и сказала: «не имеет права»!) её трогать.

Такая наглость со стороны тёмной крестьянки, пусть и наделённой магическим дарованием, настолько потрясла Исварка, что он в первую минуту даже остолбенел. Это и дало колдунье время на то, чтобы — как ни чудовищно это звучит — доказать свою правоту.

Может ли Исварк утверждать, что он хорошо помнит свой браслет, спросила она. Исварк ответил, что помнит на нём каждый миллиметр — ибо это важная вещь в его жизни. А стояло ли у него клеймо в виде буквы на застёжке? Да, обрадовался Исварк, клеймо в виде буквы Z. Ну а теперь взгляните, потребовала колдунья и продемонстрировала застёжку. На ней и впрямь стояло клеймо, но в виде буквы E.

Это было уже слишком для Исварка. Он и так потратил слишком много времени на бесплодные переговоры с женщиной неизмеримо ниже его по статусу; пора было опомниться. В конце концов, неважно, чей это браслет на самом деле, если он как две капли воды похож на тот, что он ищет. Шиана всё равно не заметит разницы.

Без лишних слов он кинулся на Лаготт. В тот же миг она издала губами какой-то тихий звук, и дюжина диких собак, ворвавшись в дом, набросились на доблестного рыцаря. Подробности его позора мы опустим, в общем, Исварку пришлось несолоно хлебавши спасаться бегством, да он ещё и штаны разорвал.

Ничего, в другой раз он решил быть умнее. В тот же вечер он вернулся, но уже не один, а с целой армией вооруженных людей. Увы, он никого уже не нашёл. Колдунья исчезла вместе с браслетом.

— Ты уж прости, Софийя, что я подумал на тебя, — виновато произнёс он, — но сама рассуди: что я ещё мог подумать?! Больше ей деваться было некуда. Никто из крестьян спрятать её не мог. Я предложил за её голову столько, что лучше тебе не знать, чтоб ты не расстраивалась. Но деревенский староста сказал, что лучшая им награда — чтобы Лаготт навсегда исчезла из их местности. Я и теперь ума не приложу, куда она могла деваться, если не к тебе...

— Загадка, — тихо произнес Астурк, почесав щеку. — В этой истории слишком много загадок...

— Ну, конечно, с досады я немного погромил её дом, — злобно оживился Исварк. — Признаться, от этого мне стало немножечко легче...

— Скоро вам и совсем полегчает, — пообещал Астурк. — Если ты, конечно, не возражаешь, Софийя...

Я содрогнулась.

— Да я буду счастлива никогда больше не видеть этот браслет! — воскликнула я. — Избавьте меня от него, ради Небес! Слишком много мне из-за него пришлось натерпеться. Да и, в общем-то, это ведь и вправду не моя вещь. Это вещь Исварка...

— Как ты добра... — прошептал Исварк со слезами на глазах. — Как ты прекрасна и добра, Софийя. Прости, если я принёс тебе зло...

— Всё в прошлом, — тихо отозвалась я. Мы все немного помолчали. Словно тихий ангел пролетел мимо нас. Каждый думал о своём.

— Однако нам пора собираться, — наконец, нарушил молчание Астурк. — Мне не терпится увидеть даму Шиану. Я уверен, что она сможет раскрыть нам хотя бы часть этой тайны.

17

Уже начинало смеркаться, когда наша кавалькада прибыла к месту назначения.

— Помните, — успел шепнуть Астурк своему пациенту, — что бы ни случилось — молчите и делайте каменное лицо!

Исварк мрачно кивнул.

Тяжёлые двери башни распахнулись. Головорезы Боров и Марс споро сбежали с лестницы, взяли за доски расписных носилок, на которых лежал несчастный больной, и так же резво помчались со своей драгоценной ношей кверху. — Осторожнее! — крикнула я, понимая, что Исварк сейчас слишком сосредоточен на своих ощущениях, чтобы поставить смердов на место.

Впрочем, о нём было кому позаботиться.

Шиана Татианская стояла на самом верху лестницы, прекрасная как никогда. Заведомо посланный курьер от Астурка уже предупредил её о нашем прибытии. Она слегка приподняла руку в приветственном жесте.

Мы с сиром Астурком синхронно склонились в низком поклоне. После этого ритуал можно было считать выполненным; Астурк подставил мне руку, я по-хозяйски положила пальцы на его локоть, и мы с достоинством, не торопясь, двинулись по лестнице вверх, навстречу хозяйке.

— Добро пожаловать, — сказала она, впуская нас в башню. — Я рада видеть вас обоих.

Как ни странно, она, похоже, не лгала. Узкие глаза искрились хитростью и весельем. Я с огорчением отметила, что, по-видимому, состояние Исварка не слишком её взволновало.

Мы вошли в трапезную залу, где нас уже поджидал роскошный стол. Для Исварка устроили специальное ложе, где он мог удобно полулежать на подушках. Помня наш наказ, а, может, и вполне искренне, он был молчалив и мрачен.

Повар у лардессы Татианской знал своё дело великолепно. Первые несколько минут за столом царило молчание — все четверо усиленно работали челюстями, уплетая изысканные яства. Наконец, когда первый голод был утолен, Шиана сказала:

— Я получила от вас очень интересное письмо, любезный Астурк. Не стану скрывать, вы меня заинтриговали. Я прямо стораю от любопытства.

— О да, моя прекрасная госпожа, — Астурк сделал глоток вина и от наслаждения прицокнул языком. — Мне и вправду многое нужно вам сообщить. Начну издалека. Вы, конечно, знакомы с моей дорогой Софией?

Лардесса благосклонно кивнула.

— Слухи в нашей местности разносятся молниеносно, — продолжал Астурк. — Возможно, до вас уже дошли разговоры о том, что мы с Софией состоим в незаконной любовной связи. Так вот, спешу заверить, что это чистая правда.

— Я очень рада за вас, — приподняла брови Шиана, — но, дорогой мой сир, неужели вы проделали такой долгий путь лишь для того, чтобы сообщить мне об этом?

— Я открыл вам этот факт лишь потому, что он объяснит вам характер небольшого недоразумения, что произошло вчера между мною и вашим другом, — Астурк кивнул в сторону Исварка. Тот послушно сделал каменное лицо.

— Итак, вчера вечером, когда я гостил у любезной Софии, вдруг раздался страшный шум. Выйдя из опочивальни, я увидел, что какой-то мужчина (как я решил — соперник) ломится в дверь, которую я уже привык считать своей. Я весьма ревнив и, даже не выяснив, в чем дело, ринулся в бой...

Он с деланным смущением развёл руками.

— Надо сказать, любезный сир Исварк физически сильнее меня, хитрее, да и проворнее. Но я неплохой механик, только поэтому мне и удалось нанести противнику серьезные повреждения. За что я теперь покорнейше прошу меня простить, — Астурк прижал руку к сердцу. — Ибо я слишком поздно узнал истину. Оказывается, вашего друга в замок Софии привлекла вовсе не нечистая страсть, как я думал, а напротив, самые благородные мотивы!

Шиана медленно, очень медленно повернула голову и вопросительно посмотрела на Исварка. Тот сидел, как истукан, с каменным лицом.

— Предыстория. Не так давно, танцуя на балу у великого герцога, моя девушка потеряла браслет. Вещица, между нами, дрянная, но дорогая ей как память. Любезный сир Исварк узнал об этом и счёл своим долгом найти и вернуть пропажу. Что он и сделал бы вчера, если б я ему не помешал...

Я украдкой покосилась на госпожу Шиану и даже испугалась. Она смотрела на Исварка таким взглядом, каким я бы не хотела, чтобы кто-нибудь на меня смотрел. Лицо Исварка по-прежнему оставалось каменным.

— Видите ли, милая госпожа, — в голосе Астурка зазвенели металлические нотки, — как я уже сказал, я весьма ревнив. И никогда не позволю своей даме носить украшения, подаренные не мной. Так что приношение вашего друга я отобрал, невзирая на её слезы и причитания, и уже собирался пустить его на нужды своих бедняков. Но тут прослышал, что вы — по каким-то лишь вам известным причинам — весьма интересуетесь этой безделкой...

В этот миг я, как никогда, восхищалась Шианой Татианской. Её лицо почти не дрогнуло, лишь в уголках губ появилась презрительная усмешка. Зато лицо Астурка вдруг изменилось

до неузнаваемости; его улыбка превратилась в оскал, а взгляд стал ледяным, каким я его ещё никогда не видела:

— А теперь на миг забудьте о них обоих, о нём и о ней! То, что я сейчас скажу, касается только нас двоих. Узнаёте это?

В его руке невесть откуда появился браслет. Я увидела, как страшно напряглась шея лардессы; но она стойко держала лицо. Астурк слегка позвенел браслетом:

— Предлагаю вам сделку. Я вам — эту вещь, вы мне — её тайну! Не то она нынче же отправится под пресс!

Несколько секунд эти двое в полном молчании мерились взглядами. Я затаила дыхание. Наконец, Шиана отвела глаза, прищурилась и улыбнулась.

— Вы очень умны, Астурк. Умны и хитры. Я восхищаюсь вами.

Астурк сдержанно поклонился и сел. Его лицо снова стало тем, каким я его знала.

— И дама ваша мне нравится, — продолжала Шиана. — В ней есть что-то старомодное. В хорошем смысле слова. Только поэтому, слышите, только поэтому я соглашаюсь на эту сделку. Не думайте, пожалуйста, что вы меня переиграли.

Никто не осмелился возразить ей.

— Но у меня свои условия. Я не могу открыть вам тайну браслета, это исключено. Но я дам вам ключ, который может привести вас к этой тайне. Вы ведь не станете оскорблять меня предположением, что я могу играть нечестно?

— Конечно нет, сударыня.

— Я назову только одно имя. Для такого ума, как ваш, этого достаточно, поверьте. Вы согласны?

Несколько секунд Астурк размышлял. Наконец, он улыбнулся.

— Если б вы были мужчиной, я бы просто рассмеялся вам в лицо. Но такой женщине, как вы, я не могу отказать. Что ж, я согласен сыграть с вами в эту игру.

— Я не сомневалась в вас, — улыбнулась Шиана. — А чтобы ещё раз доказать, что игра честная, я сделаю свой ход первой. Вы имеете право передумать.

— Ни в коем случае, прекрасная госпожа. Преимущество всегда на стороне дамы. Держите. — Он молниеносным движением швырнул браслет через стол. Лардесса Татианская хищно схватила его, и только тут я увидела, как трясутся её пальцы.

— Итак, сударыня, ваш ход?

— Атейла Зварк.

Я удивлённо взглянула на своего спутника. Мне показалось, что в его лице мелькнуло разочарование и сомнение.

— Поверьте, — улыбнулась Шиана, — я сказала даже больше, чем надо. А если вам кажется, что этого мало, взгляните...

Она кивнула головой в сторону Исварка. Теперь я могла своими глазами увидеть, чем отличается поддельное каменное лицо от подлинного. Исварк был бел, как собственная посмертная статуя, и смотреть на него было страшно.

18

— Кто это — Атейла Зварк? — спросила я, когда мы, наконец, остались вдвоём; лошади наши шли бок о бок тихим шагом по безмолвной снежной темноте. — Кажется, я где-то слышала это имя...

— Она давно умерла, — тихо ответил мой спутник.

— Ты знал её?..

— Знал... когда-то. Не очень близко. — Астурк, казалось, был чем-то расстроен. Я подумала, что он, видимо, считает, что продешевил и зря отдал браслет за ничего не значащую приманку.

— Послушай... — я резко повернулась к нему, так, что конь подо мной вздрогнул и запрядал ушами. — А, может, забудем всю эту историю?

— Какую историю?

— Ну эту, с браслетом! Давай считать, что его и вовсе не было! Ты прав: с ним явно что-то не так. Мы наконец-то от него избавились, и прекрасно!..

Астурк дёрнул поводья, заставив коня остановиться; я остановилась тоже. Теперь мы смотрели друг на друга в упор, не замечая, что прекрасные животные приплясывают под нами от нетерпения.

— Видишь ли, Софийя, — медленно произнёс он, — я не люблю загадок. А в особенности если они каким-то образом коснулись моей жизни. Я не так уж юн, Софийя, и опыт подсказывает мне, что загадка, которую ты вовремя не разрешил, обязательно тебя настигнет. В самый неподходящий момент...

Мы снова тронулись через белую равнину — медленным-медленным шагом. Я молчала. Что-то подсказывало мне, что он прав. Мне вовсе не хотелось бы новых сюрпризов, связанных с этой историей. Всё это необходимо было распутать, и как можно скорее.

— Ну хорошо, — сказала я. — Что мы будем делать дальше?

Астурк поморщился.

— Честно скажу тебе, Софийя: не знаю. Боюсь, любезная госпожа Татианская переоценила силу моего ума. А может быть, я старею...

Сердце моё разрывалось от любви и жалости. — Ты просто устал, — прошептала я.

Внезапно я почувствовала, что и сама смертельно устала. Слишком насыщенным был этот день. Когда мы выехали на большак, я не выдержала и пожаловалась своему спутнику, что вот-вот упаду без сил.

— О, бедная моя Раненая Душа! Ну конечно же. Это я виноват. Я подверг тебя слишком тяжкому испытанию. Как я сам не сообразил...

— Ехать нам ещё долго, — сказала я. — А я совсем засыпаю. Может быть, мы остановимся где-нибудь, попросимся на ночлег? Ты знаешь кого-нибудь тут, поблизости?..

Астурк огляделся и задумался.

— Ближе всего отсюда владения сира Цепия. Он сварливый и желчный старикан, но, если постучаться, пустит... Чуть дальше — замок Шадасса и его супруги. Они мне не друзья, но кое-чем мне обязаны. Впрочем, его я недолюбливаю... Есть ещё Криллис Кордук, вон там, на той горе... он приятный малый, но добираться до него трудновато... Кстати, именно он и унаследовал замок и владения покойной госпожи Зварк. Они в каком-то дальнем родстве...

— Как! — воскликнула я. — И ты ещё раздумываешь? Да ведь ежу понятно, что именно там нам и нужно остановиться!

Астурк изумлённо взглянул на меня и глаза его заблестели.

— Ты права, Софийя. Ты, как всегда, права!..

Пока наши усталые лошади, хрипя, преодолевали гору, Астурк рассказывал мне о хозяйине замка, где мы собирались переночевать. Прямых наследников у дамы Атейлы не осталось, и всё отошло её троюродному племяннику. Он славный, добрый малый, да и хозяйственный. Быстро навёл порядок в своих угодьях, слегка подзапущенных после прежней владелицы — продал часть земель, приносивших одни убытки, рассчитался с давними долгами. Вот только немного рассеянный в быту, но это в наш жестокий век скорее достоинство, чем недостаток.

«Вот будет здорово, — думала я, — если этот прекрасный человек возьмёт сейчас и не откроет двум усталым путникам ворота».

Но Астурк, как всегда, оказался прав. Сир Кордук и его милая супруга встретили нас очень приветливо (хоть и вряд ли вспомнили, кто мы такие). И даже пригласили к ужину, что было более чем кстати. стакан доброго грога помог мне согреться.

Астурк попытался было взять быка за рога, пустившись расспрашивать хозяина замка: не осталось ли от бывшей владелицы каких-нибудь вещей или бумаг? Он-де неплохо знал покойницу и с удовольствием бы предался ностальгии, пустив слезу над чем-нибудь, ей принадлежавшим. Но Кордук только виновато улыбался да плечами пожимал. Он ведь не так уж хорошо и знал тётушку, и вступил во владение лишь потому, что других наследников не оказалось.

— Утро вечера мудренее, — шепнула я своему спутнику, — ты же видишь, он и сам зевает. Давай как следует выспимся и расспросим его завтра.

Астурк ответил мне лёгким пожатием руки — и попросил у хозяина позволения отправиться на боковую. Тут-то мы и ощутили на себе знаменитую рассеянность сира Кордука. А именно: несмотря на то, что мы самым подробным образом представились хозяевам три раза — ему самому, жене и капеллану, — он всё-таки принял нас за супружескую пару и отвёл нам покои с одним-единственным, не таким уж и широким ложем. Когда мы вошли туда, я увидела, что Астурк заметно смутился.

«Всё к лучшему, — философски подумала я. — Когда-нибудь же, в конце концов, это должно снова произойти?!»

— Что ж, Софийя... — начал Астурк и смущённо замолчал. Раздеваться он что-то не торопился. Я поняла, что он и сам не знает, как вести себя в этой ситуации.

Ну а уж я-то тем более не знала! Даме как-то не подобает самой набрасываться на кавалера, даже после того, как он раструбил всему свету об их любовной связи. (Я всё никак не могла простить этого Астурку, хоть и понимала, что это было для пользы дела).

Чтобы оттянуть время, я принялась рассматривать старую картину, висящую в алькове. Краски её уже начали блекнуть, но изображение читалось неплохо. Неизвестный художник изобразил на холсте трёх молодых дам. По извечной женской привычке я принялась искать среди них самую красивую... — и тут же невольно вскрикнула. Наша с сиром Астурком общая неловкость мигом вылетела у меня из головы.

Дама в центре и та, что слева, были мне незнакомы. Но вот правая дама...

Это был не кто иной, как моя колдунья Лаготт. На картине она была совсем юной, но я могла бы поклясться, что это она. Её характерные черты и рыжие волосы я узнала бы где угодно. Только сейчас она была не в лохмотьях колдуньи, а в платье знатной дамы.

Я дернула Астурка за рукав. От волнения я даже не могла говорить, а только мычала что-то и показывала на картину. Мой спутник проследил направление моего взгляда — и негромко охнул:

— Знакомые лица, — пробормотал он. — Надо же, а я и не знал, что они были подругами...

В моей душе зашевелилось тёмное подозрение. — Ты что, знаком с колдуньей Лаготт? — осторожно спросила я.

— С кем?.. Нет, с колдуньями не знаюсь, прости. А вот двух дам с картины знаю, причем ту, что слева, довольно хорошо. Это же матушка Фересия!..

— А в середине кто?

— Как «кто»?! Ах, да, — Астурк нахмурился, — конечно, ты же не можешь этого знать, ты ещё слишком юна. Дама в центре — это и есть Атейла Зварк.

19

Той ночью нам было уже не до сна. И не до любви — как ни грустно это признавать. Мы проговорили до рассвета, обмениваясь разрозненными обрывками сведений и пытаясь соеди-

нить их в одно целое. К утру нас сморило и мы заснули, лёжа рядом, прямо в одежде; последнее, что я помню — это что мы всё-таки сошлись на том, что нам надо непременно посетить матушку Фересию.

Проснувшись, я увидела, что Астурка уже нет рядом: видимо, он галантно дал мне поспать подольше, а сам пошёл на разведку, надеясь всё-таки выведать хоть что-то у хозяина дома. Я воспользовалась этим, спокойно приведя себя в порядок и даже повалявшись в постели ещё немного; но про себя со вздохом подумала, что, пожалуй, сир Астурк уж слишком галантен.

Когда он, наконец, зашёл за мной (вместе со слугой, принесшим лёгкий завтрак, и приятным известием, что мы можем продолжать наш путь), оказалось, что его вылазка была не напрасна. Нет, он не выведал ничего особенно нового, зато удачно сторговал картину; мы можем хоть сейчас её забрать.

— Да как тебе это удалось? — изумилась я. — Я восхищаюсь тобой!

Астурк скромно ответил, что это было очень легко, так что особого восхищения его поступок не заслуживает. Кордук вовсе не возражал против того, чтобы расстаться с последней памятью о тётушке, и даже был этому рад: его жене — сказал он, — эта картина никогда не нравилась. Поэтому её и повесили куда подальше, с глаз долой, в гостевые покои.

Что ж, главное, что теперь картина была наша. Я не сомневалась, что она нам ещё пригодится — хотя бы для того, чтобы подробнее рассмотреть её. Там могли обнаружиться незамеченные нами детали.

Астурк приторочил покупку, надёжно обернутую холстиной, к седлу, и мы, отдохнувшие и довольные, двинулись... нет, не домой, что бы это слово для нас ни значило, а к монастырю Воссиявших Небес, где уже много лет была настоятельницей матушка Фересия (в миру — госпожа Феррис Бургадарская).

По дороге Астурк рассказал мне о матушке Фересии. До того, как постричься в монахини (а было это сорок с лишним лет назад), высокородная лардесса Бургадарская слыла одной из самых блестящих светских львиц; немало побед числилось на её счету. Молодая, богатая вдова ежедневно получала десятки предложений руки и сердца. Что же заставило её так круто и странно переменить свою жизнь?

— Этого я не знаю, — признался Астурк. — Впрочем, это её личное дело. Сейчас меня интересует лишь то, что может дать нам ключ к разгадке.

— А может, это и есть ключ? — задумчиво произнесла я.

Мы сидели за столом грязноватой харчевни, запивая разбавленным венниратским пересушенную яичницу; после нескольких часов непрерывной скачки мы все, включая лошадей, нуждались в отдыхе.

Астурк привычным жестом почесал щёку.

— Может, ты и права. Надеюсь, матушка в добром здравии. Иначе мы вообще ничего не узнаем...

— Почему ты так уверен, что она примет нас? — спросила я.

— Ну, в прошлый раз мы с ней расстались добрыми друзьями... Она помогала мне пристраивать одну милую девушку, попавшую в беду... мою дальнюю родственницу. А наша матушка Фересия — из тех, кто обожает помогать, пристраивать, сводничать и ссорить. Это даёт ей ощущение, что она влияет на людские судьбы...

— Портрет не слишком лестный, — заметила я.

— Что ж, жажда власти иной раз проявляется в самых удивительных формах. Но сейчас это нам на руку. На этом мы и сыграем.

— Как ты считаешь, — спросила я, — не следует ли нам ещё раз взглянуть на картину? Обследовать её более подробно? Вдруг там есть что-то, что мы упустили?

Астурк задумался.

— Пожалуй. Но это мы сможем сделать уже в монастыре, когда остановимся на ночлег. Двери для путников там всегда открыты, но матушка вряд ли примет нас прямо сегодня. Вот и будет чем скоротать время.

«Я бы предпочла скоротать его иначе», — с досадой подумала я и тут же сама устыдилась своих мыслей. И впрямь, монастырь — не место для греха, а нам ещё надо было постараться, чтобы избежать соблазна. Вздыхнув, я смирилась с тем, что и следующая ночь пройдёт для меня в изысканиях совершенно безгрешного свойства.

20

Всё произошло так, как и предрекал Астурк. До монастыря мы добрались как раз к ужину; монахини встретили нас очень дружелюбно (чему не в последнюю очередь помог широко распахнутый для сборщицы даров кошелек Астурка). В просторной трапезной нас накормили до отвала, но на вопрос, примет ли нас сегодня матушка, ответили отказом.

Что ж, мы готовы были подождать до завтрашнего полудня — приёмного часа матушки Фересии. Нас проводили в домик для гостей. На сей раз нам были отведены отдельные покои, но сейчас меня это скорее обрадовало, чем огорчило. За эти дни я правда устала, и погрузилась в сон, едва моя голова коснулась подушки.

Наутро после завтрака мы с Астурком сразу же принялись за изучение картины. Нам даже удалось выпросить у монахинь увеличительное стекло. Поначалу ничего интересного не было, разве что я, раздухарившись, с глупым хихиканьем домогалась у Астурка, кто из дам на картине ему нравится больше?

— Матушка Фересия, — отвечал он. — Однозначно.

— Ну а как же Лаготт? Посмотри, как она хороша!..

Я не лукавила. Юная колдунья (впрочем, тогда ещё не колдунья) Лаготт и вправду выглядела очаровательно — и явно была самой красивой из всех троих. Черты ещё не обострились, не навевали ассоциации с хищной птицей (какой я её знала); в них ещё сохранилась девичья мягкость, а в глазах — радостное предощущение неизбежного счастья. Натуральные рыжие волосы напоминали солнечную корону.

— Нет, — твёрдо сказал Астурк. — Феррис — и точка.

— Но почему, почему?..

— У неё лицо умное. А это то, что меня всегда пленяло в женщинах, — он со значением взглянул на меня.

Я скромно потупилась, но в душе моей вспыхнул дикий азарт. Теперь, думала я, мне уж точно придется отыскать на картине что-нибудь эдакое, чтобы доказать наличие у меня ума. Не хуже, чем у матушки Фересии.

И что же вы думаете? Не прошло и минуты, как я нашла.

У центральной фигуры, то есть у Атейлы Зварк, запястья были не видны из-за длинного рукава. А вот Лаготт щеголяла открытыми руками, и на ее изящном запястье что-то чернело. До сих пор я думала, что это тень от чего-то, но внезапно мне стало ясно, что это просто налипший комочек грязи. Я ловко скovyрнула его ногтем — и обнаружила там именно то, что и рассчитывала: неизрядно изображённый жёлтой краской, но всё же узнаваемый браслет.

— Смотри... — прошептала я.

Астурк проследил за моим пальцем и одобрительно присвистнул. Впрочем, он тут же добродушно поинтересовался, а что, собственно, это нам даёт.

— Не знаю, но как факт, по-моему, интересно! Получается, колдунья не солгала Исварку. Это и впрямь был её браслет. Значит, где-то поблизости должен быть и второй...

— Ничего не значит, — проворчал Астурк, но всё-таки взял лупу и принялся обследовать картину. Через секунду он воскликнул: — Есть! — и торжествующе взглянул на меня. Жёлтое

пятнышко, лежавшее перед юной Феррис на небольшом столике, несомненно, и было тем, что мы искали; мы его, конечно, видели и раньше, просто не понимали, что это такое.

— Браслет Атейлы Зварк скрыт под рукавом, — задумчиво сказала я. Астурк с уважением посмотрел на меня:

— А ведь ты снова права. Этих троих связывает не только дружба. Тут явно какая-то загадочная история. Возможно, именно эти дурацкие браслеты...

— Связали их навсегда, — тихо продолжила я. — Но как один из них попал к Исварку?..

— Это мы скоро выясним, — бодро произнёс Астурк, — поскольку полдень вот-вот вступит в свои права. Собирайся!..

21

— Я рада вас видеть, мой друг.

Астурк почтительно облобызал огромное кольцо матушки Фересии. Я последовала его примеру — и матушка милостивым жестом разрешила нам занять два неудобных табурета для посетителей. (Видимо, они были специально устроены для того, чтобы посетители не засиживались).

— Ну, теперь рассказывайте, что привело вас ко мне? — живо спросила настоятельница. — Как я полагаю, нужно скрыть какой-то грех этой милой дамы?

Её небольшие, но очень живые глазки с любопытством скользнули по мне. Я ответила ей вызывающим, даже наглым взглядом. К своему изумлению, я тут же поняла, что матушке это понравилось: тонкие губы сморщились в лукавой улыбке.

— Нет, — ответил Астурк, — на сей раз нет. С грехами этой дамы я разберусь сам. Мы совсем по другому поводу, матушка.

Брови настоятельница изумлённо вздернулись:

— Ну так что же?..

— Вы ведь хорошо знали покойную госпожу Зварк? — осторожно спросил Астурк.

— Допустим.

— Скажите, матушка... — он секунду колебался и словно прыгнул в холодную воду: — У неё, кажется, было одно необычное украшение? Золотой брас...

— На этот вопрос я вам не отвечу, — быстро перебила его матушка Фересия. Я взглянула на нее — и изумилась. Её взгляд стал ледяным, губы сжались в ниточку.

— А если я покажу вам кое-что интересное? — и тут Астурк полез за пазуху и, к моему изумлению, вытащил оттуда свёрнутый в трубку холст. Губы настоятельница скривились в брезгливой гримасе:

— Что это?

— А вы посмотрите, матушка. Так сказать, момент, запечатлённый на память. Угодно вам оставить это у себя в качестве сувенира?

Астурк торжественно развернул холст таким образом, чтобы матушке было хорошо видно. Впрочем, она не оценила заботы, сморщилась и отвернулась:

— Уберите.

— Матушка, у меня только один вопрос. Что не так с этими золотыми браслетами?

— Это вас не касается.

— Я готов заплатить за эти сведения. Дорого заплатить.

— Я не нуждаюсь в подачках.

— Но, матушка, поймите, от этого зависит...

— Вы что, не слышали меня? — выкрикнула Фересия, опершись обеими руками на подлокотники и чуть приподнявшись над своим креслом. — Я очень уважаю вас, Астурк, но на сей раз, простите, вы лезете не в своё дело!..

Она без сил упала обратно в кресло. Похоже, нам и впрямь пора было уходить отсюда: матушка Фересия, ещё минуту назад такая невозмутимая, тяжело дышала, была бледна. Оба они были бледны.

— Хорошо, — выдавил Астурк, поднимаясь. — Я прошу прощения за свою дерзость, матушка, этого больше не повторится. Пойдём, Софийя.

Мы встали и вышли, на прощание даже не облобызав матушкин перстень. Впрочем, на сей раз нам никто этого и не предлагал.

Астурк больше не мог скрывать, как он подавлен. В полном молчании мы оседлали наших коней и, сверившись с картой, двинулись — как я надеялась — по направлению к его замку. Ничего, думала я, дайте только добраться до дому, там я уж найду, как его утешить.

Тем более что я прекрасно понимала его чувства. Я вспомнила, как некогда, мучаясь ревностью к Исварку, зашла в тупик, не зная, кто моя соперница. И ведь ничего, я тогда нашла выход...

— Не расстраивайся, — попросила я. — Ещё не всё потеряно. У нас есть ещё одна ниточка. Колдунья Лаготт. Если нам удастся её разыскать, то...

Мои слова прервал нарастающий топот копыт. Я обернулась. Уже знакомая нам сборщица даров мчалась к нам, вцепившись обеими руками в гриву; растрёпанные от скачки волосы и отчаянное выражение лица придавали ей лихой, совсем не монашеский вид.

— Стойте! — крикнула она ещё издали. — Матушка настоятельница просит вас вернуться! Нет! — она требует, чтоб вы вернулись!..

22

Мы втроём сидели у огромного пылающего камина в глубоких мягких креслах. Матушка Фересия сделала глоток из своего кубка; то ли от жары, то ли от вина её лицо покраснелось, глаза блестели. Несколько минут мы просто молча потягивали вино, глядя на пляшущее в камине пламя.

— Видно, никуда не денешься, — наконец, прервала молчание настоятельница. — Сами Небеса прислали вас ко мне. Значит, пришло и моё время исповедоваться...

Она горько рассмеялась.

— Надо же, всю жизнь я так ждала этого часа, а как пришло время, испугалась. Я ведь никогда и никому этого не рассказывала. Даже своему духовнику. Уж слишком хорошо я знаю наше духовенство. Но вы ведь, как я понимаю, от духовной жизни далеки, верно?..

— Очень далеки! — в один голос признали мы с Астурком.

— Это чудесно, — кивнула головой матушка Фересия. — Вы ещё так молоды и у вас так много всего впереди. Когда-то и я была такой...

Она вздохнула и снова отхлебнула вина.

— Эта ваша картина, Астурк, столько всего всколыхнула во мне. И где вы её только откопали... Да, три подруги, три прекрасных юных дамы! Хеллейна, Атейла, Феррис. Знатны, красивы, богаты. Кажется, ничто тёмное и зловещее никогда не коснётся их жизни...

Она снова немного помолчала, глядя на пламя. Мы с Астурком затаили дыхание, боясь спугнуть её.

— История, которую я вам сейчас расскажу, — медленно заговорила Фересия, — началась задолго до момента, изображённого на картине. Когда одной из нас — из чистого любопытства и какого-то юношеского задора — пришлось в голову нарушить все запреты и войти в тот мир, которого нас учили с детства бояться и избегать — мир чёрной магии и колдовства. Да, именно с этого всё началось...

— Это... — догадалась я, — это была... Хеллейна? Лаготт?..

Матушка Фересия грустно улыбнулась.

— О, нет, милое дитя... Увы. Если бы это была Хеллейна — как бы я теперь была спокойна и счастлива! Нет, как ни ужасно это звучит — это была я, ваша покорная слуга!..

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Рассказ матушки Фересии

1

Полвека назад я была молода, пылка, полна всяких романтических идей и наивна. Да, наивна — при том, что уже далеко не была невинной. Высокородный мой супруг, старше меня на сорок лет, успел к тому времени сделать меня вдовой, оставив мне титул и огромное состояние. Думаю, именно благодаря последнему обстоятельству я и привлекла внимание Тёмных Сил.

Тогда, конечно, я этого не понимала. Мне казалось, что я сама стараюсь привлечь и вызвать на разговор этого хрупкого юношу с удивительными фиалковыми глазами — моего учителя стихосложения. Да, оказавшись на свободе, я пустилась во все тяжкие. Нет, плоть моя молчала и сердце было пусто — но ум требовал пищи; и для начала я наняла себе учителей по разным дисциплинам, мечтая, как уже через год стану одной из самых интересных и учёных дам высшего света.

Что ж, это, пожалуй, исполнилось — но не совсем так, как я себе представляла. Впрочем, не буду отклоняться от темы.

Так вот, этот милый мальчик, Мишо Пекорт... Уже и не вспомнить, кто был виной тому, что наше общение быстро вышло из тесных рамок ямба, хорея и гекзаметра. Он открывал мне новые миры — так мне казалось. Идеи, которые он мне щедро излагал, отзывались в моей неокрепшей душе чем-то родным и близким; я впитывала эти новые знания, открыв рот.

О, сейчас мне смешно об этом вспоминать... Идеи, казавшиеся мне тогда чем-то новым и бунтарским, на самом деле стары как мир, и столь же лживы; не более чем сырая морковь, повешенная перед носом у осла. Я поняла это много лет спустя, добравшись до монастырской библиотеки. Но тогда всё это было для меня откровением: слова «свобода», «равенство», «братство» приятно будоражили мой высокородный слух.

Не знаю, в какой именно момент Мишо понял, что я обработана достаточно; может быть, в тот, когда он впервые осмелился пожать мне руку вместо того, чтобы поцеловать воздух около кольца, — и я это с радостью проглотила. Сейчас я с грустной улыбкой думаю, что, захоти он тогда овладеть мною как женщиной — ничего бы не было проще. Тем более, что я ничуть не сомневалась, что мой учитель в меня влюблен. О, если б это было так!.. Увы, цели Мишо были иными.

Надо отдать ему должное: он не заманивал меня никуда, не вербовал, ни на чём не настаивал. Впрыснув в мой мозг порцию сладкого яда, он как ни в чём не бывало захлопнул перед моим носом дверь в неведомое — и скромно продолжил посвящать меня в простенькие тайны стихосложения — которые, к тому времени, честно сказать, мало меня волновали. Теперь уже я сама выпрашивала, добивалась, требовала дальнейших сведений. Надо сказать, прошло не меньше месяца, прежде чем он позволил себе вернуться к запретной теме.

Так или иначе, в один прекрасный день он открыл мне, что мы с ним вовсе не одни такие, понимающие друг друга, на всём белом свете. Нас много, и с некоторыми из этого множества он, Мишо, имеет связь. Нет, он не называл никаких имён, просто намекнул на это обстоятельство — но мне этого более чем хватило.

Прошло ещё около месяца, прежде чем он предложил — а, точнее сказать, согласился — взять меня на «малый сбор». Так назывались сходки местной общины тех, кого я с его лёгкой руки считала своими братьями по духу. Но мне казалось, что я отправляюсь в какой-то чудесный новый мир, после чего моя жизнь никогда не станет прежней.

В определенном смысле так оно и было. Но чтобы мой рассказ стал вам яснее, придётся сделать небольшой экскурс в историю.

Сейчас, наверное, уже никого не осталось в живых из тех, кто называл себя «Отродья Недр Земных»; а если кто случайно и остался, тот, вероятно, давно предпочёл об этом забыть. Но тогда, полвека назад, это была самая разветвленная и могущественная секта из тех, кто отважился поднять руку на Храм Небесный.

Стержнем её была та, в общем-то, банальная — и сегодня уже изжившая себя — идея, будто наш Создатель, кем бы он ни был, обитает вовсе не на небесах. Что такое, собственно, небеса, спрашивали тамошние пастыри? Всего лишь испарения земной плоти, и обитать там едва ли может кто-то серьёзнее летучей пиявки, — а уж тем более Создатель. Но каждому, кто даст себе хоть чуть-чуть труда подумать, станет ясно, что именно земля, которую мы топчем и в которую рано или поздно возвращаемся — центр всего, и если где и есть место, достойное быть домом Создателя, то это её самые глубокие недра. Отсюда и название.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.